

БОРИС БАТЫРШИН

ДЕНЬ
КОСМОНАВТИКЪ

ЭТОТ БОЛЬШОЙ МИР

Борис Борисович Батыршин

День Космонавтики

Серия «Этот большой мир», книга 1

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69204343

День Космонавтики:

ISBN 978-5-906858-93-1

Аннотация

Он снова оказался в СССР, в своей юности. И вроде, всё вокруг знакомо: биография московского школьника, молодые родители, Москва... То, по чему он тосковал, глотая в одиночку коньяк на каждое 12-е апреля, поминая несбывшиеся мечты.

И что же? Всё сбылось, сойдя каким-то чудом с плёнок любимых с детства «Москвы-Кассиопеи» и «Гости из будущего» – или это ностальгическая тоска сыграла с его сознанием злую шутку, выдавая за реальность изрядно поплёкшие воспоминания золотой юности? Тогда ведь и мороженое было не в пример вкуснее, и весенняя трава – зеленее, а уж одноклассницы-то все до одной чистейшие образцы чистейшей прелести...

Впрочем, к чему гадать, если есть шанс проверить? В покинутом им мире человечество собралось, было, шагнуть в Большой Космос, даже занесло для этого шага ногу – но вдруг словно передумало, свернуло на кривую тропку.

А как оно обернётся здесь? Не так уж долго нужно подождать, чтобы многое стало ясно.

Или... это, и правда, мир сбывшейся детской мечты – его мечты?

Содержание

Часть первая	6
I	8
II	25
III	39
IV	51
V	66
VI	81
VII	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Борис Батыршин

День Космонавтики

© Борис Батыршин

* * *

*«На свете нет ничего лучше,
чем знать в молодости то,
что осознано в зрелые годы.
Но, скажу тебе откровенно:
думаю, ты родился не в свое время...»*

Роберт Хайнлайн.

«Тоннель в небо».

Часть первая
Четыре дня в апреле

АПРЕЛЬ

12

СРЕДА

ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

Всемирный

день авиации и космонавтики

1961 — Космический корабль «Восток», пилотируемый летчиком-космонавтом Ю. А. Гагариным, совершил первый в мире орбитальный космический полет.

I

– Бритти, что ты там откопала?

Собака подняла голову и нашла глазами хозяина – мол, чего надо, грызу себе, и грызу, имею право! В пасти у неё, и правда, был зажат немаленький сук – весь почерневший от влаги. А каким ещё быть, если его только-что извлекли из-под груды снега – слежавшегося, осевшего по-весеннему, покрытого сверху коркой неопрятного чёрного налёта? Да, апрель в этом году поздний, как и предупреждали метеорологи – на дворе уже двенадцатое, а лужайки возле Дома Пионеров на Ленинских до сих пор кое-где покрыты снегом...

Почему «на Ленинских»? А я так привык. Конечно, в разговоре с другими людьми, особенно теми, кто не слишком мне знаком, я говорю на современный манер, но и то приходится иногда повторяться. Вот и Дворец Пионеров таковым для меня навсегда и останется – хотя сейчас он носит другое название, какое-то там ГБПОУ «Воробьёвы горы». Ещё бы знать, как это расшифровывается...

Бритти, сообразив, что никто покушаться на её добычу не намерен, прижала сук лапой к снегу и принялась увлечённо отдирать от него полосы раскисшей от сырости коры. Вообще-то, зря я её дёргаю: собакен в свой неполный год вполне вменяемый, а уж доброжелательностью не уступит Деду Морозу на новогоднюю ночь. Снегурочке, пожалуй, с учётом

половой принадлежности.

К тому же сейчас середина дня, четырнадцать ноль-ноль, и детей на аллее, ведущей от монумента Мальчишу-Кибальчишу к главному входу во дворец практически нет – как нет и их родителей, вполне способных домотаться на тему «Тут дети гуляют, а у вас собака без намордника!..» Как будто при первом же взгляде на эту лохматую, вечно улыбающуюся мордашу не ясно, что самое худшее, что она может сделать что ребёнку, что взрослому – это облизать с ног до головы. Дети это, между прочим, понимают с первого взгляда, и сразу же спрашивают разрешения погладить.

Да, золотистые ретриверы, или, как их ещё называют, голдены – они такие...

В общем, мир вокруг меня... не то, чтобы прекрасен, но вполне приемлем. Голубенькое ситцевое небо, испятнанное облаками, плюс семь по Цельсию – достаточно комфортно для середины апреля. Лёгкий ветерок, дующий со стороны реки, неожиданно тёплый и практически не насыщен влагой.

А вот мне невесело. Не отзывается весна в душе – так всегда бывает со мной на двенадцатое апреля. Я и собаку-то из-за этого с собой взял, думал, поскачет рядом, когда я присяду, как делаю это каждый год, на одну из скамеек аллеи, ткнётся мокрым носом – «чего это ты раскис, хозяин, пойдём, лучше палочку покидаешь!» Тогда я потреплю ладонью лохматую башку и постараюсь отогнать прочь неизбежные депрессивные мысли, те, что одолевают меня в этот день с

завидной регулярностью, уже который год подряд.

Да, праздник, конечно. Для кого как, а для меня – самый горький в году. День несбывшихся детских надежд и юношеских мечтаний, день, когда я всегда вспоминаю себя четырнадцатилетнего, с растрёпанными волосами, в расстёгнутой по-весеннему куртке, в окружении стайки таких же как я, весёлых, беззаботных мальчишек и девчонок. Мы торопимся к парадному крыльцу Дворца от эскалаторной галереи – там всегда собирались за четверть часа до начала занятий и дожидались друг друга – чтобы потом бежать к Дворцу наперегонки, размахивая сумками и портфелями. Это было... мама дорогая, сорок пять лет назад! Всё это время эскалаторная галерея сначала стояла пустыми бетонными коробками, изображая гигантскую никому не нужную лестницу, а потом и вовсе развалилась, превратившись в неопрятные, исписанные граффити руины. Но сейчас она снова жива – восстановили, запустили, работает! Что ж, и на том спасибо.

А вот аллея перед Дворцом за эти годы почти не изменилась. Сейчас она, как и было сказано, пуста, что вполне соответствует моим планам. Оглядываюсь по сторонам ещё раз – несколько воровато, поскольку намереваюсь злобно нарушать. Вытаскиваю из кармана маленькую плоскую фляжку, пристраиваю рядом с собой на скамейке. Достая завернутый в плёнку кусочек шпика и горбушку бородинского. Эх, ведь собирался порезать, когда уходил из дома, да забыл... Ничего, не беда – на свет появляется складной нож, и вот

я уже пластаю розовое, с мясными прожилками салтыце на клочке полиэтилена, пристроенном рядом с фляжкой. Не самая изысканная закуска к армянскому коньяку – но такова традиция. Скорее, если честно, привычка, причём дурная, но тут уж ничего не поделаешь. Да и незачем.

Детей в перспективе аллеи по-прежнему нет, а значит, моральная травма при виде стареющего мужчины, потребляющего алкоголь в прямой видимости детского учреждения, им не грозит. Да, нехорошо, сам знаю – ну так не мы такие, жизнь такая. Не дома же, в одиночку, давась слезами при звуках песни из «Москвы-Кассиопеи»...

– Я предлагаю, – сказала Варя, – больше никогда друг другу о доме не напоминать... пусть эта глупость будет нам уроком.

– Согласен, – сказал Мишка Копаныгин. – Все эти воспоминания расслабляют волю, их необходимо отбросить.

– Как... отбросить? – спросила Катька насмешливо. – Забыть своих близких, родных? Всё что было там, на земле?

– Я не предлагаю забыть, – сказала Варька. – Просто не будем напоминать об этом друг другу.

– Варька права, – сказала Юлька. – Это так мучительно, когда начинаешь вспоминать...

Она права, Юлька Сорокина, член экипажа звездолёта «Заря», восьмиклассница в больших очках и с трогательны-

ми бантиками на висках. Это действительно мучительно. Но ведь и отбросить, забыть – это не в силах человеческих, даже если ты этого захочешь. Даже если ты никуда не летишь, а просто приходишь на эту аллею раз в год, садишься на эту скамейку и... не можешь не вспоминать.

Готово дело – собака, улёгшись на брюхо, наслаждается подношением. Пора и мне, благо, три маленьких квадратных кусочка бородинского отрезаны, накрыты сальными квадратиками на манер бутербродиков-канапе. Отворачиваю крышку фляжечки – зажатый в ладони нож мешается, но положить на скамейку нельзя, сейчас он исполняет роль отсутствующей вилки. Подхватываю кончиком одну из канапешек – и не успеваю поднести фляжку к губам, как что-то жгучее, острое, пульсирующее, пронзает грудь, как раз там, где сердце. Фляжка вываливается из внезапно сделавшихся ватными пальцев и я сползаю набок, успевая осознать, что вот оно, всё, и Бритька, наверное, теперь пропадёт – куда ей деться, когда меня заберёт отсюда «скорая»? Или, что куда более вероятно – машина более печального предназначения...

...мокрый, холодный нос ткнулся мне в ухо, шершавый язык проехался по щеке и мазнул по уголкам губ.

– Тьфу ты... Бритька, бестолочь ушастая, прекрати!

Повизгивание в ответ – но не радостно-нетерпеливое, имеющее целью разбудить разоспавшегося под утро хозяи-

на и потребовать немедленно, прямо сейчас отправляться на прогулку. На этот раз звуки тревожные, а, пожалуй, что испуганные. Я с трудом разлепил веки, потёр глаза, и...

...Какое ещё утро? Я сижу – точнее полулежу, завалившись на бок, на скамейке, собака крутится передо мной, встаёт передними лапами на скамейку, пытается облизать лицо. Ладонь моя у неё на загривке, пальцы сжимают ошейник. И крепко так сжимают, аж костяшки побелели...

– Ну, всё, всё, отбой тревоги, ничего страшного!

Так, по ходу, пронесло. А кольнуло-то солидно, как бы не намёк на инфаркт. И это не шутки – до дома отсюда минут сорок неторопливого хода, но это как-нибудь в другой раз. Сейчас куда разумнее будет вызвать «Яндекс-Такси» и пусть доставят нас домой, на родную мою улицу Крупской, дом восемнадцать. А уж там прикинем, что делать, вызывать «скорую», оставив Бритьку на попечение соседей (к радости их восьмилетнего отпрыска, который в ней души не чает) или как-нибудь само рассосётся?

Я разжал вцепившиеся в ошейник пальцы, и встревоженное повизгивание тут же сменилось громким лаем – собака, ощутив свободу, вывернула голову, уселась передо мной и принялась гавкать. Это, между прочим, нетипично: голдену вообще молчуны, а уж моё личное ушастое счастье не всякий месяц позволит себе гавкнуть хотя бы раз – разве что, увидит усевшегося на балконные перила голубя и выразит по этому поводу неудовольствие.

...я ей что, голубь?..

– Умолкни, Бритька, а то по загровку!..

Так, смартфон-то где? Привычно запускаю руку в боковой карман куртки... чёрт, раскрытый нож цепляется, мешает – к тому же, на его кончик до сих пор наколот микробутерброд с салом. Не до него – полежит тут, рядом, на скамеечке... кстати, а фляжка где? Я же, вроде бы, её уронил, когда сердце прихватило, должна лежать под ногами! Случайно задел ботинком, залетела под скамейку? Ладно, это потом, а сейчас звонить, звонить, пока не повторилась эта пакость!

Так... моего старенького «Самсунга» в кармане не оказалось. И во втором тоже, и вообще, содержимое карманов вызывает у меня оторопь. А как иначе, если на ладони смятая бледно-жёлтая бумажка, в которой я после секундного колебания опознаю рублёвую купюру советских времён, три монетки из тёмно-жёлтого металла – две побольше, с отеканенными «5 копеек» и одна совсем маленькая, копеечная. Скромную эту коллекцию дополняет замызганный носовой платок и конфета в пёстрой бумажке с надписью «Кара-Кумы» и силуэтами верблюдов – коричневые.

А смартфона, что характерно, нет. Может, меня тупо обнесли? А что – увидели, что лежит пожилой дядька на скамейке, пошарили по карманам, прибрали к рукам смартфон а в порядке моральной компенсации напихали туда вот этого, с позволения, ретро? Да нет, вздор: Бритька – вот она, и при всем её видимом добродушии шарить вот так, внаглую,

по карманам собаководладельца вряд ли кто-нибудь решится. Я бы на их месте точно не рискнул.

И только тут до меня дошло, что рука эта не моя – во всяком случае, правая, которая сжимает сейчас горсть советской меди. Да и рукав, из которого она высовывается, тоже не совсем мой.

Я разжал кулак, мелочь посыпалась на землю, и Бритька немедленно принялась её обнюхивать. Но мне было не до монеток – вместо немаленькой волосатой лапищи, украшенной на тыльной стороне парочкой шрамов и большим бугристым пятном, следом старого ожога, глазам моим предстала розовая, как бы даже не детская кожа. Да, точно: вот и ногти обгрызены, помнится, в школе любил я это дело, за что постоянно попадало от родителей. И ещё – на внутренней стороне запястья почти стёртые, но всё же вполне различимые строки, сделанные чернильной ручкой. Какие-то математические формулы – помнится, в школе мы частенько прибегали к подобному методу.

...Но это ж когда было? И... что вообще происходит, а?..

Звонкий, тревожный, с повизгиванием, лай стал мне ответом.

Быстрый осмотр себя, любимого. Собака, встревоженная хозяйским непонятым поведением, всё порывалась, встать на колени передними лапами, лизнуть – да так настойчиво, что пришлось строго на неё прикрикнуть. Впрочем, процес-

су она особенно не помешала – да и чем помешаешь, если основные моменты стали понятны в первые же секунды, причём с очевидностью неумолимой и неотвратимой?

Итак, это я, моё собственное тело, тут сомнений быть не может. Как и в том, что телу этому сейчас четырнадцать лет, ни годом больше, и ни годом меньше. Из чего это следует, спросите? Да вот из тёмно-синей корочки, нашедшейся в наружном кармане школьного пиджака, из первого моего удостоверения, которым я, помнится, ужасно гордился. Ну да, оно самое и есть: золочёный силуэт первого спутника на обложке, а внутри – «Кружок юных космонавтов при Московском Центральном Дворце Пионеров и Школьников, печать, имя-фамилия (Монахов Алексей, это я самый и есть), учащийся восьмого класса «В» школы номер семь города Москва. А ещё – дата. Нет, не рождения, а выдачи документа – девятое октября 1974 года. Как сейчас помню: торжественное занятие кружка юных космонавтов, состоявшееся в малом зале Дворца (того, что в левом крыле главного корпуса, позади купола планетария) где нам в торжественной обстановке вручают эти вот самые корочки... Дело было в прошлом календарном (и, соответственно, в текущем учебном) году, так что подсчёты провести несложно.

Да чёрт с ними, с корочками – со мной-то самим что? То, что я вдруг, одномоментно, сбросил аж сорок восемь лет, конечно, вдохновляет, по крайней мере, никакой инфаркт мне пока не грозит. Но... где это видано, кроме попаданческих

книжек, которые я нет-нет да почитываю на досуге? Ничего глупее быть не может: главный герой очнулся в собственном юном теле и начал уговаривать себя, что это никакое не попаданство, а галлюцинация или происки недобитых друзей, устроивших розыгрыш с применением сильнодействующих препаратов. А потом, при виде давно забытых реалий (тетрадка, извлечённая из портфеля? Календарик в кармане? Газета на уличном стенде?) постепенно, шаг за шагом, убеждается, что попал – и испытывает по этому поводу сильнейший шок...

Что ж, шок я уже испытал – когда ледяное жало кольнуло в сердце, оставив на прощание с бранным миром минуты полторы. Да убеждаться ни в чём не надо, всё ясней ясного – руки подростка, одежда, корочки с золочёным спутником, одежда, в конце концов. Зеркала, правда, нет, но я почему-то не сомневаюсь, что в нём увижу...

Так вот, об одежде. Всё до боли знакомо – куртка, ботинки на шнурках, школьная форма... стоп, отставить! Из неё в наличии только брюки из плотной тёмно-синей ткани, а вот «верх» неуставной. То ест, как раз-таки уставной, тот, что полагается ребятам и девчонкам, занимающимся в упомянутом кружке юных космонавтов: офицерская зелёная рубашка хэбэ, зелёный офицерский же галстук, носимый вместо пионерского, красного. А если засунуть ладонь под распахнутую по случаю тёплой погоды куртку – можно нащупать на плечах и погоны, прапорщицкие, гладкие, без просветов

и звёздочек, зато с приклеенной наискось голубой полоской и «крылышками» технического состава ВВС с радиальным пятицилиндровым движком и рубиновой звёздочкой в центре пропеллера. «Юные лётчики», занимавшиеся по соседству с нами, носили на погонах «гладкие» крылышки лётного состава, причём и те и другие чрезвычайно гордились своим аксессуарами...

Стоп, это всё потом. А сейчас важно вот что: если я в этой форме, то, значит, после школы успел зайти домой и переодеться перед походом во Дворец. Я нередко так делал – занятия начинались часов в шесть, и я шёл на Ленинские пешком, или проезжал несколько остановок на троллейбусе – после чего перекусывал в дворцовском буфете, и дожидался товарищей по кружку вот здесь, на аллее. Иногда приходил существенно раньше, часа, скажем в четыре – как, вероятно, случилось это и сейчас, поскольку на небе пока ни намёка на сумерки, а темнеет в апреле сравнительно рано...

Так, если мои соображения верны – то и в сумке должны быть не школьные учебники, а несколько иное содержимое. Проверить это несложно – достаточно потянуть за металлический язычок, застёжка-молния» разойдётся, открывая моему взору содержимое. Сумка у меня тёмно-синяя, не слишком большая, с контуром мотоцикла и надписью «Мотоспорт». Такие в середине семидесятых стремительно вытеснили школьные портфели – они, и сумки с рисунком «жигуля-тройки и надписями латиницей «Лада-Автоэкспорт».

Дефицит, однако был, не всякому доставалась – мне вот, к примеру пришлось обходиться менее вместительным «мото-вариантом».

И что же у нас внутри? Так... две общие тетрадки для занятий в кружке... журнал «Техника-Молодёжи» – мартовский номер 1975 года, ага... а это что?

Две книги, обложку одной из которых я узнал с первого взгляда. У меня такая была в школе, и уцелела во всех переездах и перетрясках домашней библиотеки – довольно старый, шестьдесят пятого года томик Фрэнсиса Карсака «Робинзоны космоса» – издательство «Мысль», в бумажной потрёпанной суперобложке с изображениями, похожих одновременно на наскальные рисунки и на творения художников-абстракционистов: две угловатые, ломаные фигуры кентавров, один с луком, другой с копьём в поднятой руке.

А вот со второй случилась заминка. Хайнлайн, сборник «Тоннель в небо» и несколько рассказов. Маленький пухлый, в бумажной обложке (позже такие станут называть «пocketбуки») из серии «Зарубежная фантастика» издательства «Мир» – и вот он неожиданно меня озадачил. Дело в том, что во времена оны я собирал эту серию, приобрёл почти все издания, хорошо знал её историю – но вот этой конкретной книги, хоть убейте, в руках не держал! Семьдесят пятый год, как гласила надпись на обложке – ну да, конечно, годом раньше, в семьдесят четвёртом издательство сменило дизайн серии на тот, что продержался до самого её закрытия в девяно-

сто девятом. Но ведь, если память мне не изменяет, в семьдесят пятом было два выпуска: роман «Мутант-59» выпуск, сборник «Человек-компьютер», с главным произведением в виде известного романа Майкла Крайтона. Но чтобы Хайнлайн, да ещё и «Тоннель в небо»? Нет, ни хрена не помню.

...неужто, склероз передаётся при попаданстве? Если так – то дело худо...

Холодный нос снова ткнулся, на этот раз – в руки.

– Тебе чего, зверь?

Бритти виляла хвостом и глядела на меня снизу вверх, время от времени скашивая глаз с намёком на что-то, лежащее слева от меня, на скамейке. Я посмотрел – ну конечно, ножик с насаженной на его кончик «канапешкой» из сала и бородинского хлеба. Нелёгкое испытание, понимаю – так вкусно, а хозяин зажал, и занят какой-то ерундой, вместо того, чтобы покормить маленькую собаченьку!

– Ну, сейчас-сейчас, потерпи...

Ладно, Бог с ним, с Хайнлайном, может, и вправду, запамятовал... Я потянулся к ножу, взял – узкий кончик лезвия проткнул крошечный бутербродик насквозь и высовывался на пару миллиметров из розоватого сала – и тут меня словно громом ударило.

...всё, что я только что лихорадочно осматривал – от покетбука до собственных башмаков, – всё родом отсюда, из 1975-го года от Рождества Христова! Иначе, строго говоря, и быть не может, ведь переносу-то подверглась только «уни-

версальное жизненное начало, витальная сила, присутствующая в каждом живом существе», она же «бессмертная субстанция, придающая целостность и непрерывность индивидуальному существованию» – проще говоря, душа, как учит нас Большая Советская Энциклопедия. Или личность, если кому-то так понятнее.

Но загвоздка в том, что упомянутый «субстрат всех сознательных и бессознательных психических процессов» есть явление сугубо нематериальное, умозрительное, о чём БСЭ и сообщает в той же самой статье. А нож, лежащий сейчас в нескольких сантиметрах от полы моей куртки, как и нанизанная на его кончик закуска – вполне материальны, что ясно хотя бы из аппетитного аромата, от которого у Бритьки слюни из пасти свешиваются чуть ли не до земли. Я даже отодвинулся чуть в сторону, чтобы избежать искушения попытаться нож пальцем – а не развеется ли? Но тут же взял себя в руки, двумя пальцами (не без некоторого, надо сказать, трепета) взялся за инструмент, снял канапешку и протянул собаке. За что немедленно был вознаграждён порцией слюней на ладони и довольным чавканьем. И – едва не повалился со скамейки, повторно испытал потрясение.

Нож ладно, нож, ерунда – хотя и ему тут быть, строго говоря, не положено. А вот эти двадцать пять килограммов шерсти, счастья и любви ко всему окружающему – их куда девать? Подумать только, прошло целых пять минут, в течение которых я хлопал себя по карманам, рассматривал кисти

рук и копался в сумке – прежде, чем осознал, что вместе с моим «жизненным началом» (универсальным, если верить авторам БСЭ, но всё же насквозь нечувствительным и нематериальным) в прошлое перенеслась вполне материальная и осязаемая собака породы «голден ретривер». И ещё какая материальная – схрумкала вкусняшку (тоже, между прочим, контрабандную) и теперь более, чем осязаемо тычется мне мордой в руки. Я вытер облизанную ладонь о школьные брюки и задумался.

Да, друзья мои, а ведь это, как говорил товарищ Огурцов из «Карнавальная ночь», нетипично. Если, скажем, «попаданство» происходит в собственной брэнной оболочке, то ноутбук под мышкой, смартфон в кармане – да хоть танковая дивизия за спиной» – тогда да, тогда это будет вполне типично. Но если клиент перемещается в виде упомянутого нематериального духовного субстрата – тогда извините, всё, на что он может рассчитывать, это содержимое собственной памяти, благоприобретённое, или дополненное теми, кто этот гадский эксперимент затеял. И это тоже будет типично – а вот чтобы так? Нет, недаром говорят умные люди, что смешение жанров есть приём недопустимый. Жаль, что на этот раз их никто не спросил...

Я ещё раз потрепал собаку по загривку, словно желая убедиться в её реальности, и встал. Никогда мне ещё не было так сложно решиться на то, чтобы просто взять и подняться со скамейки. Однако же – стою, и не просто стою, а прислу-

шиваюсь к внутреннему состоянию организма. Впечатления, надо сказать, самые благоприятные – особенно на фоне того полу-болезненного состояния, к которому я начал привыкать за крайние несколько лет. Возраст, будь он неладен – зато теперь я чувствую себя, как космонавт перед стартом и готов хоть весь оставшийся световой день бегать в Бритькой наперегонки по здешним просторным лужайкам, невзирая на неопрятные, опадающие апрельские сугробы.

Нет, бегать мы сейчас не будем, хотя собака и заскакала вокруг, словно ощущая произошедшие со мной благотворные перемены. Тоже, кстати, интереснейший вопрос: это ведь себя можно обмануть, а собаку – поди, попробуй! Тем не менее, Бритти сразу и почти без колебаний (вот, к примеру, чем был вызван её испуг в первые секунды!) опознала во мне меня. И это несмотря на разительно изменившийся вид и наверняка ещё более разительно изменившимся запахом. Ведь не может же пахнуть одинаково и четырнадцатилетний пацан, и шестидесятилетний мужик, в которого он превратился почти полвека лет спустя?

Однако – вот он, факт, хвостатый и ушастый. Радостно прыгает вокруг, ничуть не сомневаясь в том, что я – это я...

Я огляделся – аллея по-прежнему пуста, только маячат около входа во Дворец две фигурки. Собрал с асфальта рассыпанную мелочь, всю, до последней монетки, которую пришлось выковыривать из глубокой трещины. Взгляд на часы – так, семнадцать-двадцать, скоро уже появятся кружковцы

и... Нет, к этой встрече я сейчас не готов – а потому сегодняшнее занятие кружка юных космонавтов состоится без моего участия. Я свернул от здания влево, туда, где к лежащему в низинке большому пруду спускаются с горки две широкие лестницы, окаймляющие огромный, выложенный цветными камнями контур пятиконечной звезды. Свистнул собаке, что-то обнюхивающей на газоне, и торопливо сбежал по ступенькам вниз. Кое-кто из наших кружковцев приходят не от эскалаторной галереи, а появляются с противоположной стороны, от остановки троллейбуса, идущего по Проспекту Вернадского – а мне сейчас вовсе не нужны встречи, неважно, случайные или нет.

Ох, думается, это лишь самая незначительная из нарисовавшихся у меня проблем...

II

Первая из проблем оказалась довольно мелкой, и, тем не менее, решать её требовалось – и срочно. Не успели мы удалиться от здания Дворца на достаточное расстояние, как нас окликнули весьма недоброжелательным тоном.

– Мальчик, это твоя собака?

Женщине было на вид лет около сорока – типичная даже не «училка», а «завучиха». Невысокая, плотненькая, невыразительное лицо с густыми бровями и бесцветными тонкими губами, так же русые жидкие волосы, собранные на затылке в пучок, дополняли очки в пластиковой оправе, такой же блёклой, как «деловой» костюм, состоящий из юбки и то ли жакета, то ли пиджака невнятно-бурого цвета. Ни дать ни взять – Людмила Прокофьевна из «Служебного романа», причём задолго до того, как оный роман вошёл в фазу бурного развития. Пальто в клеточку с воротником из искусственного меха накинуто на плечи – женщина явно торопилась из одного корпуса дворца в другой. К гадалке не ходи, какая-нибудь педагог-методист, а то и просто административный работник среднего уровня. Спешащие в сторону главного корпуса стайки местной школоты (время, когда стартуют занятия большинства кружков и секций уже наступило) поглядывали на неё с опаской.

...школота, значит?.. Ты это брось, дядя, с интернет-слен-

гом надо завязывать, и чем скорее, тем лучше. Ровесники неспроста так косятся на «Людмилу Прокофьевну» – наверняка «завучиха» (а может, главный методист, кто их разберёт?) способна доставить немало неприятностей. А мне тут ещё жить и дальше посещать Дворец.

Я торопливо запахнул куртку (не хватало ещё, чтобы моя визави разглядела выдающую меня с головой униформу кружка юных космонавтов) и отвечаю, стараясь, чтобы это звучало максимально почтительно:

– Да, моя. Но вы не переживайте, она очень ласковая и детей любит!

В ответ раздражённое фырканье. «Людмила Прокофьевна» поджимает губы, из-за чего они превращаются совсем уж в ниточку.

– Меня не интересует, ласковая, или нет! На территории, примыкающей к детскому учреждению, выгул собак категорически запрещён, повсюду таблички расставлены для особо одарённых! К тому же, она без поводка и намордника – а это уж совсем ни в какие ворота! А если покусает какого-нибудь ребёнка?

– Говорю же, она добрая, порода такая... – делаю я безнадежную попытку.

– Ещё и грубишь старшим? – очки ходят ходуном на остреньком носу. От злости, что ли? – Мне что, милицию вызывать, чтобы объяснили тебе правила выгула собак?

Язык чесался ответить, что в примыкающем к дворцу пар-

ке жители окрестных домов спокон веку выгуливали своих четверолапых питомцев, тут даже собачья площадка имеется – с горками, барьерами и прочими брёвнами – но я вовремя сообразил, что относится это к куда более поздним временам, когда порядка стало не в пример меньше. Или... не относится? В любом случае, спорить сейчас не время, «завучиха» настроена серьёзно, а на звуки её голоса (весьма противного и пронзительного) уже торопится от главного корпуса ещё одна представительница педагогического племени.

– Извините, тётенька, больше не повторится! – бодро отчеканиваю я, с удовольствием видя, как краснеет от негодования её лицо при слове «тётенька». Хватаю Бритьку за ошейник и чуть ли не бегом направляюсь к дальней ограде парка, что тянется вдоль улицы Анучина. Или, здесь она всё ещё именуется «Проектируемый проезд номер сколько-то-там?..» Да какая, в сущности, разница...

«Людмила Прокофьевна» оказалась права: табличка с перечёркнутым силуэтом собаки и грозным «Выгул собак запрещён!» я обнаружил прямо возле калитки. И, кстати, проблема поводка тоже не была праздной: пойдём мы домой пешком, или поедем на троллейбусе – так или иначе, он понадобится. Мой-то остался в двадцать первом веке, а волочь ни в чём не повинного зверя всю дорогу за ошейник – удовольствие ещё то, причём для нас обоих. Поэтому я сначала ощупал пояс и, убедившись, что ремня в брюках нет, разжал, пыхтя от усилий, металлическое кольцо, которым к пет-

ле сумки ремешок, снял и пропустил в него ошейник. Не бог весть, как удобно, да и сумку придётся тащить, прижимая к боку локтем – но это ничего, можно потерпеть. Вот если бы и всё прочее разрешилось с такой же лёгкостью...

Покинув территорию парка, мы быстрым шагом пересекли Университетский проспект – по пешеходной зебре, а как же, ПДД надо соблюдать даже попутанцам. На ходу я озирался по сторонам – вроде, и дома знакомые, и улица та же, а нет, не то. Прежде всего, разрослись деревья, насаженные на месте тех, что были вырублены подчистую во время масштабного строительства начала шестидесятых. В моё время вдоль улицы высились липы, а во дворах стояли плечом к плечу, как солдаты на карауле тополя, каждое лето изводящие обитателей метелями, буранами, снегопадами пуха. А сейчас – торчат какие-то прутьики, почерневшие, по случаю наступающей весны, и ничего, кроме жалости, не вызывающие...

На самом бульваре, протянувшемся вдоль Университетского проспекта, с растительностью было получше, и даже угадывались следы благоустройства в виде размеченных газонов, асфальтированных дорожек со скамейками. На одну из них я и уселся. Нет, ни о какой усталости речи не было – просто требовалось привести в порядок раздёрганные мысли, и бульвар, где в это время почти не было ни мамочек с колясками, ни собачников, ни прочей праздношатающейся

публики вполне для этой цели подходил. Мелькали изредка группки школьников – уроки уже закончились даже в старших классах, и теперь мои ровесники с упоением предавались отдыху. Им-то хорошо, с неожиданной завистью подумал я, а у меня впереди ворох нерешённых вопросов похитрее примеров по алгебре или упражнений по русскому языку. Например: как объяснить родителям появление в доме этого ушастого счастья, да так, чтобы вернувшись назавтра из школы, не узнать, что собаку отдали кому-нибудь из знакомых. Вот она, сидит рядом и преданно на меня взирает. Надо полагать – имея в виду шоколадную конфету в кармане куртки. Ну держи половинку, поделим по-братски! Конечно, сладости собакам не слишком полезны, но по такому случаю можно сделать исключение...

Ладно, это не сейчас, а только через несколько часов – родители наверняка на работе, и вернутся не раньше восьми вечера, время на подготовку есть. Вот только – к чему готовиться-то? Прошлая жизнь осталась позади, и с этим следует смириться. Нет, остаётся, конечно, надежда, что завтра утром я проснусь в собственной холостяцкой постели и пойму, что это всё был дурной глюк, но... я бы не рассчитывал. А значит, надо как-то жить дальше, и для этого следует произвести ревизию активов. С материальными, вроде, всё ясно, вместе со мной перенёсся только складной нож и собака – а вот как обстоят дела с активами духовными и интеллектуальными? За неимением заполненного информацией но-

утбука или смартфона именно они приобретают решающее значение – во всяком случае, должны приобретать, согласно законам попаданского жанра.

Итак, что у меня в заглавнике? Один из московских технических вузов, из которого я вынес общий набор инженерных знаний и стойкую неприязнь к точным наукам. Студенческие увлечения – КСП, горный, потом водный туризм. Фантастика, разумеется – хотя, это началось раньше, примерно... да, именно в восьмом классе, и осталось со мной на всю жизнь. Потом армия, лейтенантские погоны на два года, и свобода – ровно за полгода до ввода войск в Афганистан. Ну а дальше... дальше чего только не было! Работа на Северах, водителем в геологической партии (к своей прямой специальности инженера-теплоэнергетика я так и не вернулся), два года в тайге, в поисках приключений, потом ещё три – палубным механиком на сейнере, на Камчатке... К разгару перестройки я успел накопить довольно приличный багаж и решил судру, что – вот оно, пришло моё время! И с треском обломился, сунувшись в зарождающийся книгоиздательский бизнес. То есть, поначалу-то всё шло неплохо, даже хорошо: мы издавали чудовищные переводы западной фантастики на скверной бумаге, в ярких аляповатых обложках, и сами же распродавали тиражи на книжном рынке «Динамо» и позже, когда это средоточие культуры и коммерции откочевало на «Олимпийский».

Лафа закончилась в начале девяностых. Гендиректор из-

дательства и мой партнёр Лёша Волков (с ним мы несколько лет подряд проводили по два летних месяца на Белом море, под парусами) вдруг решил, что пора заняться высоким, сделав ставку на качественно изданные и оформленные книги – сказки, мифологию, современную российскую фантастику. И не угадал: рынок по-прежнему требовал жвачки, развлекательной макулатуры, благо наплевательское отношение к авторским правам позволяло тогда издавать что угодно и какими угодно тиражами, если сумеешь, продать, разумеется. Лёша не сумел – издательство прогорело, и у меня не хватило ума вовремя убраться с тонущего корабля. Родители, погибшие в авиакатастрофе в девяносто втором, оставили мне квартиру на улице Крупской, и у меня хватило в своё время ума не пустить драгоценную недвижимость в оборот, в безнадёжной попытке спасти загибающееся издательство.

В результате – развод (к тому времени я успел жениться), возвращение на Севера, на этот раз не с геологами, а с совсем другой, полукриминальной (а порой, вовсе даже и не полу...) публикой. Году эдак в девяносто седьмом я обнаружил себя редактором небольшого журнальчика в Москве; Лёша Волков к тому времени успел побывать в политике, отметить на защите Белого Дома (не припомню сейчас, которой по счёту), спиться и окончательно и бесповоротно забросить книгоиздательство. Я уклонился от его навязчивых предложений вступить в какую-то партию и занялся тем, к чему у меня лежала душа – фантастикой и нарождающейся

индустрией компьютерных игр. Сменил множество изданий и издательств, попробовал силы на телевидении, побывал, правда, недолго, в шкуре военного корреспондента в Чечне и паре других горячих точек, за границами бывшего СССР. Пробовал писать сам, и не без некоторого успеха, издав то ли три, то ли четыре бодрых фантастических романа, освоил на приличном уровне английский и худо-бедно немецкий языки, сумел за всеми жизненными перипетиями сохранить верность парусному морскому туризму, и даже перешёл на новый уровень, приобщившись к ретро-судостроению. Дважды едва не женился, но всякий раз одумывался в самый последний момент – и так почти четверть века, пока, в итоге, я не оказался на скамейке, возле Дворца Пионеров на Воробьёвых горах, в возрасте шестидесяти трёх лет, с впечатляющим букетом хронических болячек, и в компании годовалого голден-ретривера по кличке Бритти. Единственного, по-видимому, существа на всём белом свете, которому я ещё нужен.

Так... я что, собираюсь и в новом, молодом теле предаваться старой депрессии, которая, надо полагать, довела меня в 2023-м году до той раздирающей боли в груди, которая известно чем заканчивается? Нет уж, как говорил Джиграханян в роли «Горбуна» в известном фильме: «Гони её прочь, тугу-печаль...» В моём случае совет самый подходящий, тем более, что персональный генератор оптимизма – тут, в двух шагах, преданно на меня взирает и виляет хвостом. А то, что

по оставшемся в двадцать первом веке жалеть не приходится, ну так это дополнительный бонус, верно? Куда хуже, если бы там осталась любимая жена, дети и всё остальное – то, что накрепко держит любого нормального человека, не давая ему изводить себя пустопопорожной ностальгией.

Народу на бульваре тем временем прибавилось. Мимо моей скамейки уже несколько раз продефилировали собачники, ведущие на поводках разнопородное зверьё – я насчитал двух восточноевропейских овчарок, боксёра, болонку и сразу три колли – жертв популярности прошедшего в начале семидесятых зарубежного телесериала «Лэсси». А вот время бешеной популярности эрделей ещё не наступило, это случится только через четыре года, когда выйдет на экраны «Приключения Электроника».

Но эрдели – эрделями, а пока нас облаивали, на нас удивлённо косились, смотрели во все глаза, даже порывались заговорить – и заговорили бы, если бы я всякий раз не отворачивался и делал вид, что высматриваю в перспективе бульвара что-то чрезвычайно важное. Предметом внимания была, разумеется, Бритька, и это тоже обещает стать проблемой, поскольку голден-ретриверы здесь проходят по разряду невидали. Этих весьма приметных собак с волнистой золотисто-палевой шерстью и столь же золотым характером в Союзе нет от слова «совсем» – первых привезли (привезут?) только в восемьдесят девятом году. Так что надо срочно при-

думывать, что отвечать на неизбежные вопросы – собаководладельцы народ въедливый, любопытный и любят поговорить о своих питомцах...

Пропустив очередного собачника (средних лет дядька с боксёром на поводке) я вскочил и чуть ли не бегом направился в сторону метро «Университет». Справа, на месте парка 40-летия ВЛКСМ пыхла, лязгала и ворочалась за дощатым забором большая стройка – там только-только начали возводить здание детского музыкального театра и, насколько я понимаю, провозятся с ним ещё года четыре. Впереди высился рубчатый купол нового Цирка, и мы, перейдя на светофоре Ломоносовский проспект, углубились во дворы сталинских, в форме каре, восьмиэтажек. Навстречу то и дело попадались группы ребят и девчонок, почти все в школьной форме. Сегодня, если верить газете «Труд» на стенде, мимо которого мы только что прошли, одиннадцатое апреля, пятница (забавно, а *там* было 12-е апреля – выходит, я «попал» с суточным опережением календаря?), значит, встреча с одноклассниками откладывается до понедельника.

Стоп, какой ещё понедельник? Здесь в школах шестидневка, а значит, завтра с утра надо быть за партой как штык – и это при том, что я даже под страхом высшей меры не вспомню, где сидел на протяжении третьей четверти восьмого класса! И таких вопросов без ответов завтра будет немало...

Но до завтра надо ещё дожить, а пока – вот он, двор дома,

в котором в прошлой своей жизни прожил не меньше сорока лет. Очертания двора знакомы, но как же тут всё изменилось! Разросшиеся к 2023-му году деревья пока ещё больше походят на саженцы, машин во дворе – раз-два и обчёлся, на месте будущей парковки покрытый почерневшими весенними сугробами газон. Сетчатого загончика с турником и силовыми тренажёрами нет и в помине. Детская площадка вместо хитроумной конструкции из лесенок и пластиковых желобов, наводящей на мысль о ленте Мёбиуса, украшена домиком с двускатной крышей, парой качелей да песочницей с торчащим посередине облезлым грибком-мухомором. Я задержался на минутку, давая Бритьке сделать свои дела на газоне, притворился, что не заметил удивлённого взгляда бабулек на скамейке – и подошёл к двери своего родного третьего парадного. Я ведь и номера домофона не помню, мелькнула мысль, придётся ждать, когда кто-нибудь откроет дверь...

...Какой, нахрен, домофон в семьдесят пятом году? Да здесь и слова такого не слышали, как не знают и о железных дверях подъезда – их заменяют обычные, набранные из дощечек, с узким мутным стеклом в половину высоты створки...

Что ж, одной проблемой меньше. Я взялся за длинную, отполированную тысячами ладоней ручку и, чуть помедлив, потянул на себя.

С недоброй памяти девяностых у меня стойко закрепи-лась в мозгу картинка запущенного подъезда, обшарпанных, исписанных граффити и провонявших мочой лестничных клеток, где никогда не горят лампочки – по причине их отсутствия. Потом, конечно, все привели в порядок, но образ остался, и сейчас я инстинктивно ждал повторения. Оказалось – ничего подобного: чистенько, даже по-своему уютно. Наша пятиэтажка относилась к самой ранней серии, какие возводили в Москве в самом начале хрущёвского строительного бума. Знакомый всякому москвичу список претензий к «хрущобам» – это не про них, дома этой серии даже по программе реновации редко пускали под снос, и ведь было с чего! Толстые, не пропускающие звуков, кирпичные стены, трёхметровые потолки, просторные, хоть в футбол играй, лестничные клетки, где (невиданное дело для двадцать первого века!) стоят возле квартирных дверей санки, а то и заботливо укутанные тряпьем велосипеды – и это при полном отсутствии домофонов, консьержей и видеонаблюдения!

Нередко на таких лестничных клетках силами жильцов устраивали настоящие зимние сады. В таком я и оказался сейчас – и испытал очередной приступ ностальгии. Всё, как услужливо подсказывает память, извлекая из давно, казалось бы, запечатанных уголков: кадки с фикусами (или как там называют эти пучки длинных заострённых листьев?) на гнутых проволочных стойках, деревянные лотки с землёй, в которых зеленеет какая-то рассада – и, что характерно, ни сле-

да граффити и прочего дворового творчества в стиле «Маша + Витя = Любовь». Плитка пола и ступени чисто выметены и, кажется, даже, вымыты, а что лифта нет, ну так, на то и пятиэтажка. Квартира наша расположена на третьем этаже – туда я и взлетел по широченной лестнице вслед за Бритькой, тоже почувывшей нечто знакомое.

Мы безошибочно остановились перед нужной дверью. Обитая чёрным дерматином на латунных гвоздиках, резиновый рубчатый коврик под ногами... Я нашарил в кармане брюк ключи (класса до четвёртого я таскал его на шнурке, на шее) засунул в скважину и трижды провернул. Дверь подалась – и медленно распахнулась.

...ну что, вот я и дома?..

В своё время, как раз после крайней попытки устроить семейную жизнь, я осознал, что доживать в этой квартире придётся, скорее всего, в одиночку. В деньгах я тогда особого недостатка не испытывал – не настолько, впрочем, чтобы сменить недвижимость на более престижную, – а потому предпринял генеральную перепланировку, превратив родительскую «трёшку» в нечто, более соответствующее моим вкусам. В результате я соединил кухню с большой комнатой, и чуть приподняв уровень пола в «кухонной» зоне. Установил у дальней стенки новомодный биокамин в настоящем кирпичном портале, приобрёл просторный угловой диван, большой круглый стол, получив, таким образом, сто-

ловую-гостиную. Две другие комнаты, поменьше, тоже подверглись трансформации – в одной я устроил спальню, а в другой, соединённой с первой широченной, в два дверных проёма, аркой, оборудовал кабинет-библиотеку с выходом на балкон. К этой комнате я всегда относился с особым пиететом – когда-то именно здесь прошли мои школьные и студенческие годы, так что работалось мне здесь особенно хорошо.

В обновлённой таким образом квартире я прожил десять без малого лет, но прежней обстановки (мебель я сменил до последнего стула), разумеется, не забыл. И вот я снова в нашей старой прихожей: справа вешалка с зимним маминым пальто с норковым воротником, слева – тумбочка с узким высоким зеркалом. В конце коротенького коридора белеет дверь в ванную комнату, а с кухни доносится бодрая музыка радиоточки («Маяк»? Точно, он самый и есть...) Наверное, в этот момент я почувствовал то же, что испытал киношный Пашка Козелков, когда спутники по звёздной экспедиции устроили ему подарочек на день рождения.

А вот Бритька никакой ностальгии не испытывала. Подняла морду, шумно втянула носом воздух, дождалась, когда я расстегну ошейник – и потрусила исследовать свои новые владения. И ведь не дождалась, когда лапы вытрут, поганка хвостатая!

III

Квартира носила признаки некоторой неустроенности, даже необжитости – ну конечно, мы ведь перебрались сюда в самом конце марта, двух недель ещё не прошло! Сняв куртку и разувшись, я вслед за собакой прошёл в комнаты. Так и есть: по углам родительской спальни громоздятся нераспечатанные картонные коробки со всякой всячиной, в гостиной тоже не слишком уютно – собрания сочинений, вместо того, чтобы радовать глаз ровными рядами корешков на полках, перевязаны бечёвками в стопки, да и сами полки пока ещё просто стоят на полу. Раздвижной стол от гарнитура, который мы обычно вытаскиваем на середину комнаты по праздникам, целиком заставлен блюдами и пирамидами чашек с тарелками из «синего» фарфорового сервиза – дедова подарка родителям на свадьбу. Несколько лучше дела обстояли у меня в комнате, и я сразу же вспомнил, как мама настаивала, чтобы отец занялся ею прежде двух других комнат, потому как «мальчику нужно где-то делать уроки!» Так что здесь книжные полки уже заняли положенные им места по обе стороны от окошка, и книги были расставлены в точности так, как на старой квартире: справа серые томики Жюль Верна, розовые Вальтера Скотта и голубые – Марка Твена. Слева же – Детская Энциклопедия и учебники.

На одной из полок книг не было вовсе – вместо них там

стояли две склеенные модели. Броненосец «Потёмкин» из серого пластика и большой зелёный танк, продукция завода игрушек «Огонёк». Я немедленно вспомнил, как в своё время волновался, перенесут ли мои драгоценные модели переезд – и не зря, надо сказать, волновался, потому как только две эти и уцелели. Я поискал глазами – вот же остальные, вернее, оставшийся от них пластиковый хлам, наваленный в коробку из-под обуви, пластмассовый винегрет из самолётов, танков и ещё одного кораблика, крейсера «Аврора». Помнится, в тот раз я никак не соглашался избавиться от этого хлама, убеждая себя, что рано или поздно возьмусь, почию, всё заново склею... Так и не собрался, конечно, хотя и «Потёмкина» и «Аврору» в итоге построил заново, но уже гораздо позже и на совсем другом уровне, со всеми полагающимися доработками, фототравлением и модельной покраской.

Повинуясь внезапному порыву, я снял «Потёмкина» и КВ-85 с полки и швырнул в коробку, нисколько не заботясь о сохранности хрупких пластиковых изделий. В любом случае, этот этап технического творчества пройден, а вот место на полке мне понадобится.

На кухне тоже всё было уже разложено, расставлено, развешено по своим местам – уж этим-то средоточием семейной жизни родители занялись в первую очередь. Холодильник «Бирюса» поприветствовал меня тряским гулом, и я в который уже раз удивился – как быстро вспоминаются дав-

но, казалось, забытые вещи!

А это что? На обеденном столе, придавленная чашкой записка. Почерк, вроде, знакомый: «Ужин на плите, завтрак в холодильнике. Разогреешь сам, позвони, как придёшь». Ага, это же бабушка, мамина мама – зашла, уже после того, как я ушёл во Дворец. Она так частенько делала, пользуясь тем, что до их с дедом дома на Ленинском проспекте отсюда рукой подать, минут десять пешком, и наготовила впрок.

Я совсем было, снял крышку со сковородки, от которой по всей квартире расплзались запахи чего-то аппетитно-мясного, как вдруг меня торкнуло.

Ну, хорошо, ужин – это понятно. Родители нередко задерживаются до девяти вечера, им из подмосковного Калининграда (позже, в 90-х, переименованного в Королёв), где оба работают в НПО «Энергия», добираться небыстро, даже на машине, вот бабуся и проявила заботу о любимом внуке. Но завтрак-то зачем? Мать обычно сама всё готовит...

Вопросом этим я задавался около минуты, а потом случилось очередное озарение. Как я мог забыть? Они наверняка оба сейчас в командировке, в Плесецке или на Байконуре – обычно отец уезжал первым, на целый месяц, а мать присоединялась к нему двумя неделями позже. Меня же оставляли на попечение дела с бабкой, благо жили они тут же, по соседству – хотя обычно я не меньше половины этого времени проводил у нас дома. Установился такой порядок как раз после нашего переезда сюда, на улицу Крупской, и это, на-

до полагать, первая «общая» командировка родителей. Если так – то бабушке, и правда, лучше позвонить, пока она не разволновалась и не заявила сюда сама. Впрочем, прикинул я, пока, пожалуй, рановато – из Дворца я должен вернуться не раньше половины девятого, так что есть время утолить настойчивое бурчание в желудке. Да и собакой придётся поделиться, ведь привычного пятнадцатикилограммового мешка с сухим кормом нет, и, насколько я могу припомнить, в магазинах подобные излишества тоже отсутствуют. Бежать же в «Диету» за ливерной колбасой «собачья радость» – извините, сейчас есть дела и поважнее. То, что родители в отъезде, даёт мне бесценный таймаут, и не стоит терять из него ни единой минуты – а ведь завтра ещё в школу...

Я вздохнул и, сопровождаемый нетерпеливым повизгиванием потянулся к сковороде.

М-м-м, вкуснятина! Я подобрал остатки соуса хлебной коркой и протянул Бритьке, за что был вознаграждён довольным чавканьем. Любой скажет, что приучать собаку к подачкам за столом – зло, но посмотрел бы я, как они поведут себя на моём месте! Голдены, как и лабрадоры, талантливые попрошайки, и отказать им совершенно невозможно – кусок в горле застрянет при виде этих «бровок домиком» и тоскливого выражения на морде «маленькую собаченьку не кормили никогда вообще!..»

А ужин и правда, выше всяких похвал, куда там рестора-

нам... Оно и понятно: продукт особый, эксклюзивный даже по ресторанным меркам – туши мелких, меньше даже цыплёнка, птичек, запечённых со шпиком и пряностями, и картофельное пюре в качестве гарнира. Охотничий сезон на боровую дичь стартовал и дед, если не каждые, то уж точно через выходные выбирается с ружьём в свою любимую Запрудню, где он с каждым егерем вась-вась, потому как родня... Умело приготовленные вальдшнепы и рябчики – блюда деликатесные, бабуля по части их приготовления настоящая волшебница, и после особенно удачных выездов собирает всю немаленькую московскую родню за «охотничьим столом». Ну и в будние дни перепадает, а как же...

Между прочим, подумал я, отправляя мелкие косточки в стоящее под раковиной ведро, насчёт охоты – мысль стоящая. Это чуть ли не единственный предмет, касательно которого бабушка никогда не возражает деду, и если перетянуть его на свою сторону, это будет серьёзный козырь. А предьявить есть что: сам-то я ни разу не охотник, но несколько месяцев назад, просто чтобы занять подрастающего щенка делом, начал развивать в собаке охотничьи, сугубо ретриверские навыки – и дело, вроде бы, ладилось. Если удастся впечатлить деда Бритькиными талантами, дело, считай, в шляпе – бабуле придётся принять факт появления собаки, и тогда убедить родителей не составит труда. А объяснить, откуда она взялась – придумаю что-нибудь, время есть... по крайней мере, до завтра.

Ладно, это всё потом. Раз уж жизнь внезапно подарила мне такой тайм-аут, следует потратить его с пользой, чтобы как-то подготовиться к неизбежным коллизиям. Но сначала я потянулся к телефону – самому обычному аппарату из серой пластмассы с наборным диском – и снял трубку.

– Ты почему не во Дворце? – голос бабушки нарочито строгий, хотя это всё видимость – я-то знаю, как она рада моему звонку.

– Да вот, отпустили пораньше, что-то у них там с подготовкой завтрашнего Дня Космонавтики.

Между прочим, чистая правда: память услужливо подсказала, что именно на это 12-е апреля администрация Дворца устроила праздничный показ «Отроков во Вселенной», и не просто показ, а с приглашением в гости экипажа «Зари» – юных актёров, сыгравших в фильме. И наш кружок с полным правом рассчитывает на особую роль в их приёме. Помнится, накануне на занятии кружка мы до хрипоты спорили, как всё это лучше устроить, разошлись на час позже, когда тётеньки-вахтёрши стали многозначительно греметь в коридоре ключами. А я, выходит, сегодня это всё пропустил?

– Так ты и завтра во Дворец пойдёшь?

Ох, как хотелось бы! Фильм вышел на экраны только в прошлом году, до телепремьеры ещё год или два, так что событие, в самом деле, намечается грандиозное. Но тогда придётся объяснять, почему я пропустил сегодняшнее заня-

тие, да и когда начнётся мероприятие, я не знаю. Наверняка ведь перед киносеансом что-нибудь, да намечено... Можно, правда, позвонить кому-нибудь из ребят-кружковцев, в записнущке, обнаруженной в кармане школьного пиджака, наверняка найдутся телефонные номера, но тут есть проблема. Это одноклассников я помню почти всех, а вот с ребятами из Дворца дело обстоит хуже. Наверное, что-то всплывёт в памяти при встрече, но сейчас я даже опознать их по записям, скорее всего не смогу, и уж точно, не вспомню, с кем и в каких я отношениях. Так что, увы, от просмотра любимого фильма придётся отказаться. И правильно, есть заботы поважнее.

– Нет, лучше к вам. – отвечаю – Из школы прямо сразу и пойду. Дождёшься?

– Конечно. – бабуля, похоже, удивлена постановкой вопроса. – Я и сама собиралась заглянуть, обед приготовить... кстати, ужин понравился?

– Спрашиваешь! Ещё столько же осилил бы!

– Вот завтра и осилишь. На завтрак в холодильнике макароны по-флотски, в маленькой кастрюльке, той, с ручкой. Прямо в ней и разогреешь, на маленьком огне, только масла не забудь сначала положить...

– Да я видел, ба, спасибо! Извини, я пойду, а то ещё уроки делать...

– Ну, хорошо, только не задерживайся. Дед с утра дома, будем ждать.

Видимо, сытный ужин так на меня подействовал – а может, и сказалось сумасшедшее нервное напряжение этого дня, но, едва повалившись на диван в своей комнате, я сам не заметил, как задремал. Хорошо хоть, натянул перед ужином треники, а то помял бы школьные брюки, и пришлось бы, на ночь глядя, искать уют и возиться с гладкой.

Поспать вволю мне не дали. Примерно через час в щёку ткнулся мокрый нос, и за этим последовало нетерпеливое повизгивание: «ты чего это, хозяин, а вывести маленькую собаченьку перед сном?» Пришлось вставать, одеваться, искать замену ремню от школьной сумки (для этой цели вполне подошёл старый пояс) и выходить на улицу. За домом располагался небольшой сквер – позже там поставят хоккейную коробку, а сейчас на покрытой прошлогодней бурой травой плечи торчали только два столба для волейбольной сетки. Мы были здесь не одиноки – по площадке носился пушистый, повизгивающий и гавкающий клубок, состоящий, кажется, из одних ушей, хвостов и лап. Бритька немедленно включилась в веселье, а я принялся знакомиться с собаководладельцами.

Здесь, как это нередко бывает, сложился кружок из собачников с достаточно молодыми питомцами (самому младшему, серому в чёрную крапинку мраморному дожонку было месяца четыре, старший же, чёрно-белый русский спаниель, не дотягивал и до полутора лет), а потому темы для разго-

воров крутились вокруг воспитания подрастающего зверья. Мы с Бритькой ожидаемо стали центром всеобщего внимания – во-первых, новички, а во вторых, никто из присутствующих не только золотистых ретриверов, но даже лабрадоров не видел, даже на фотографиях. Так что я только успевал отвечать на сыплющиеся со всех сторон вопросы, и когда собеседники стали по одному расходиться, я испытал немалое облегчение. Подозвал собаку (Бритька послушно, хоть и неохотно, выбралась из свалки, заслужив парочку комплиментов своему послушанию) и отправился домой. Длинная золотистая шерсть была покрыта слоем весенней грязи, и я с грустью понял, что без полноценной водной процедуры тут не обойтись.

Ночь. Стрелки позаимствованного в родительской комнате будильника показывают четверть первого, Бритька уютно свернулась возле стула, на котором я сижу, и беззвучно посапывает – собаки, как и люди, подвержены стрессу от внезапной и резкой перемены обстановки. А мне не спится, то ли перебил охотку, придавив ухо после ужина, то ли – и это, пожалуй, самое вероятное – мысли одолевают. Всякие. Например: а дальше-то что делать? Ну, хорошо, собаку я как-нибудь легализую, план уже созрел. В новой жизни тоже освоюсь, благо, родителей раньше, чем через неделю, ждать не приходится. Со школой тоже всё более-менее понятно: смена квартиры сопровождалась и сменой школы, и хотя я на-

стаивал на том, чтобы доучиться до конца года на прежнем месте, родители и слушать об этом не захотели. В *тот раз* помнится, я спорил с ними до хрипоты, и крайне огорчился, что не сумел настоять на своём – но сейчас меня это только радовало. Кататься ежедневно на метро от «Университета» до станции «Водный стадион» и обратно, да ещё там трястись остановок шесть на автобусе – удовольствие гораздо ниже среднего, хотя в четырнадцать лет и не кажется чем-то из ряда вон.

Куда важнее то, что, судя по записям в дневнике, первый урок четвёртой четверти состоялся для меня не первого апреля, а лишь в понедельник следующей учебной недели, то есть я успел проучиться всего-то пять дней. Что стало причиной задержки – то ли я простудился на каникулах, то ли родители, занятые хлопотами с переездом, не успели вовремя оформить бумаги на новом месте учёбы – сейчас значения не имеет. Я и прежней памятью неплохо помнил, как осваивался в новом коллективе – это заняло немало времени, и по-настоящему своим я почувствовал себя только в начале следующего учебного года, уже в девятом классе. К тому же, предстоят переводные экзамены, на которых ко мне, как к новичку, отнеслись весьма снисходительно. И это тоже важно, поскольку до экзаменов меньше полутора месяцев, и готовиться к ним придётся всерьёз. Как и в большинстве московских школ, на новом месте девятые классы будут образованы из двух слитых восьмых каждый, и те, кто не суме-

ет вытянуть по итогу экзаменов и годовых оценок нужного балла, отправятся продолжать образование в ПТУ и техникумах. А значит, придётся поднажать – особенно, по русскому устному и геометрии, поскольку все эти правила, склонения и доказательства теорем давным-давно вылетели у меня из головы...

Ладно, будем разбираться с трудностями по мере их поступления. Например: в котором часу надо вставать? Память упорно подсказывала, что уроки в школе начинаются в половину девятого и идти тут быстрым шагом никак не больше десяти минут, но мне же ещё с собакой гулять! Так что я поставил будильник на половину седьмого, и тут сообразил, что стоит поинтересоваться – какие уроки предстоят завтра? Так... где тут у нас дневник? Химия, труд, история, русский – и по всем предметам, кроме труда, домашние задания, записанные на соответствующих строчках дневника. Открыть учебники, пролистать для успокоения совести? Глаза уже слипались, и я махнул на учёбу рукой: ничего, как-нибудь выкручусь. И вообще, как-то всё получается странно, не по законам жанра, что ли? Вот кто я такой? Ясно же: попаданец, потенциальный прогрессор, и уж во всяком случае, носитель послезнания, ценнейшей опережающей информации. И логично представить, что все мои мысли будут именно об этом: как использовать всё это богатство на благо человечества, страны, да хоть себя, любимого!

Но ничего подобного не происходит, и я забиваю голову

отнюдь не построением грандиозных планов, а какой-то повседневной ерундой. Вон, даже телевизор вечером не стал включать, а ведь стоило бы хоть новости посмотреть... Хотя – круглосуточных новостных каналов здесь ещё нет, а информационная программа «Время» идёт, если я не ошибаюсь, с двадцати одного до двадцати одного – тридцати, после чего следует ежевечерний художественный фильм, который я тоже успел пропустить. Ну, хорошо, бог с ним, с телевизором – можно послушать радио, в гостиной стоит большой, красивый приёмник с длинной антенной; можно, в конце концов, просмотреть газеты... или нельзя? Интересно, я ходил сегодня утром к почтовому ящику, или не подумал об этом (обычно, газеты по утрам забирает отец, и домой они попадают только вечером, когда он возвращается с работы), и ящик и стоит, набитый битком? Ну, хорошо, можно полистать и вчерашние, в моём положении тоже польза...

Ладно, хватит уже самоиронии, как и жалости к самому себе – так недалеко и до когнитивного расстройства. Или какой-нибудь ещё гадости, про которую редко пишут авторы попаданческих романов. Попала собака в колесо – пицци, а беги, а все прочие вопросы и сомнения мы с негодованием отметём. Как неорганизованные.

Это умозакключение и стало последним на сегодня – едва прикоснувшись к подушке, я провалился в чёрную, без сновидений, пустоту.

IV

– Здравствуйте, ребята! Слушайте «Пионерскую Зорьку»!

К моменту, как раздались эти слова, я уже успел переделывать массу всего. Вскочил под залиvistое дребезжание будильника (Почему-то этот звук не вызвал у меня приступа острой ненависти, как это неизменно случалось в более поздние годы!), принял наскоро душ, вывел погулять Бритьку – всего четверть часа, только дела свои сделать, некогда! – и покидал в сумку всё, что полагалось брать с собой в школу. По-хорошему, это следовало сделать с вечера, но... сами понимаете. В общем, когда из стоящей на кухонном столе радиоточки донёлся памятный с детства звук горна, мы на пару с собакой приканчивали завтрак, и я прикидывал, стоит ли заморачиваться и варить кофе. Дело в том, что растворимого я на полках не нашёл, а жареный требовалось ещё помолоть, да и турку я не смог обнаружить – похоже, родители пользовались вместо неё маленькой алюминиевой кастрюлькой с длинной ручкой. Ладно, обойдусь – насколько я помню, в школьные годы я не был приверженцем этого напитка, а значит, организм никак не отзовется на отсутствие регулярной порции кофеина. Всё же, в такой вот молодости есть свои преимущества: раз уж не успел обрасти дурными привычками, так, может, и начинать не стоит? К тому же, приличный кофе, что зерновой, что растворимый, здесь, надо полагать,

в дефиците...

Содержание передачи я пропустил мимо ушей – отложилось лишь то, что она, как и следовало ожидать, была посвящена Дню Космонавтики. Мне, однако, было не до того: глотая завтрак, я торопливо листал учебники химии и русского, в попытке понять, что нам всё же задавали на сегодня. Закончили с этим занятием финальные звуки горна, и торопливо зачихал «Химию» в сумку. «Пионерская зорька», начавшаяся в семь-сорок, длилась двадцать минут. Сейчас на часах – восемь ровно, пора! Натягиваю форму – здесь она уже не прежняя, серо-унылая, в которой я начинал учиться, а вполне себе модная, с тёмно-синими приталенными пиджаками, блестящими пуговицами и клеёнчатым красно-жёлтым шевроном в виде раскрытой книжки и солнечного диска, – хватаю портфель и, потрепав на прощание по загривку Бритьку, выскакиваю за дверь.

За сорок с лишним лет окрестные дворы подверглись некоторой перепланировке – но, в общем, очертания свои сохранили, так что ноги сами несли меня знакомым с детства маршрутом. Вместе со мной в ту же сторону торопилось немало школьников, мальчишек и девчонок. Кто-то приветственно помахал мне портфелем, кто-то окрикнул, но я сделал вид, что не заметил, и надал – сейчас мне предстоит первое в шкуре попаданца серьёзное испытание, так что лучше оказаться на месте пораньше. Так что, озираться по сторонам времени не было, да и смотреть особенно не на что

– разве что на автомобилях в стиле «ретро», стоящие кое-где во дворах, да разъезжающие по узким внутриквартальным проездам. Это были, по большей части, грузовики – мусоровозы и фургоны с надписями «Хлеб», «Молоко», «Мясо». Один раз попался «ЗиЛ» с плоской цистерной, украшенной надписью «Живая рыба», и я даже припомнил, куда он направляется – к магазину «Диета», что на улице Крупской, известной всем обитателям этих мест «стекляшке», на втором этаже которой имеется отдел кулинарии. Помнится, там ещё продавались вкуснейшие фруктовые и сливочные желе в пластиковых стаканчиках.

Рыбовозка предупредительно бибикнула, я посторонился, пропуская машину мимо себя, и тут в глаза мне бросилась некая странность. На бело-голубой морде, там, где у «ЗиЛа» быть заводскому логотипу, действительно имела место трёхбуквенная аббревиатура – только вот буквы были другие, «ЗиС». И не выдавленные в металле капота – а на хромированном шильдике, замысловато переплетённые, украшенные многолучевой звездой и мелкими буквами «СССР».

Это, блин, что за новости? Завод имени друга всех детей переименован в честь Лихачёва еще в пятидесятых, и уж на стотрицатом «Зилке» ничего похожего быть не может по определению! Может, личное творчество водилы, тайного поклонника Иосифа Виссарионовича, раздобывшего где-нибудь этот раритет – ну, как в более поздние времена дальнобойщики, особенно из Закавказья, пристраивали портре-

ты генералиссимуса под лобовое стекло? Я недоумённо проводил грузовик взглядом, и тут меня сильно толкнули в спину – так, что я едва не полетел головой вперёд в осевший под апрельским солнцем, покрытый чёрной коркой сугроб. Чтобы удержаться на ногах пришлось, неловко взмахнув руками, пробежаться вперёд. Сумка при этом отлетела в сторону, угодив под стоящий рядом «Москвич».

– Эй, новенький! В школу торопишься? Отличник, что ли?

Я обернулся. Шагах в трёх позади стояли двое парней моего примерно возраста. Один – крупный, рыжий, в распахнутом пальто, физиономия вся в весёлых конопушках.

– Вот, поскользнулся и тебя толкнул! – развёл руками рыжий, не пряча широченной ухмылки – Не хотел, само получилось!

Второй за его плечом, чернявый, тощий – лыбится, как и его здоровенный приятель.

Удивительно, но я узнал обоих с первого взгляда. Рыжий – Кулябьев Олег, троечник, самый здоровенный в нашем восьмом «В», с первого дня выбрал меня объектом насмешек и мелких, но неприятных шуточек. Второй, Вовка Черняк, сам по себе особой угрозы не представлял, но умел так поддакнуть своему «патрону», чтобы даже пустяковую подколку сделать особенно обидной. Пока ещё это не переходило в что-то пожестче – но память подсказывала, что ждать этого недолго.

Не то, чтобы я был ботаником или маменькиным сынком. Просто... в первой своей школе, где я проучился в первого класса, подобных вещей не происходило. Нет, мальчишки могли ссориться, драться, даже подолгу враждовать – но вот травли новичков или кого-то, выбранного изгоем, на моей памяти не случилось. Здесь же, столкнувшись с другими отношениями, я растерялся – и в результате стал объектом издевательств со стороны Кулябьева и троих его прихлебателей. Помнится, особенно обидно было, когда они вчетвером принимались осыпать меня насмешками в присутствии девочек – и было особенно обидно, когда одноклассницы весело хихикали, услышав очередной оскорбительный пассаж.

Разумеется, я попытался решить проблему, разобравшись с Кулебякой один на один – но нет, эти ребята предпочитали действовать сообща, и первая же попытка закончилась для меня унижительными побоями. К своему стыду я тогда испугался, чем окончательно закрепил в глазах своих учителей свой статус мальчика для битья. А потом – проблема решилась сама собой, поскольку рыжий главарь и двое его «мильонов» в девятый класс не прошли, а Черняк, оставшийся в одиночестве, не рискнул продолжать в том же духе. Тем не менее, эти полтора месяца унижений не прошли для меня даром – у Кулебяки нашлись последователи из параллельного «Г», с которым нас слили на следующий год, и мне пришлось потратить целую четверть, чтобы избавиться от унижительного клейма отверженного.

– Само, говоришь? – я демонстративно поглядел на асфальт под их ногами. Ни наледи, ни лужи, поскользнуться не на чем. – Что ж так неосторожно, а?

Я нарывался на драку прямо сейчас, и это было очевидно обоим моим оппонентам. Но до звонка на первый урок оставалось чуть больше десяти минут, и рыжий, видимо, решил пока не нагнетать.

– Ладно, на переменке поговорим... Монах!

Монах – это я, уже успели прилепить прозвище. Впрочем, на это я не обижаюсь, оно и в прошлой школе было такое же, в полном согласии с фамилии «Монахов». А вот тон говорившего мне не понравился, но с этим мы ещё разберёмся... потом.

– Обращайся! – я изобразил жизнерадостную улыбку, надеясь, что она получилась похожей на оскал. – И гляди, не споткнись ещё раз, а то можно ведь носик расквасить, будет бобо!

Кулебяка при этих словах дёрнулся, но Черняк схватил его за рукав и что-то торопливо зашептал, после чего оба повернулись и заторопились в сторону школы. Я проводил их взглядом и встал на четвереньки, чтобы вытащить из-под «Москвича» сумку. Наскоро обтерев с неё грязь, я перекинул ремень через плечо и тряхнул головой. Да что это происходит, в самом-то деле? Шагу ступить не успел, как уже угодил в колею, накатанную бесчисленными книжными попаданцами в собственное детство. И уже, подобно им, готов

строить планы: как бы разобраться с теми, кто имел неосторожность задеть меня в прошлой жизни? А с другой стороны, куда деться? Набивать по второму разу уже набитые однажды шишки – что может быть глупее? Разве что, полагаться на то, что подобные конфликты можно разрешить на словах. Н-да, первый полноценный день попаданца в новой реальности начинается не слишком-то духоподъёмно...

Я обогнул угол пятиэтажки – и оказался на школьном дворе. Народу здесь было полным-полно, толпятся перед крыльцом, ожидая чего-то. У многих в руках – букеты, что удивительно. Конечно День Космонавтики, – это праздник, тем более, для нашей семьи. Но в череде широко отмечаемых «красных дней календаря» он, помнится, никогда не числился. А тут – толпа школьников всех возрастов, цветы, девчонки подозрительно нарядные, над козырьком крыльца красуются два кумачовых полотнища, натянутые на каркасы из реек. На первом вполне предсказуемое «12 апреля – День Космонавтики!»; на втором же, поуже и подлинней, красуется лозунг: «Освоение космоса – кратчайший путь к построению коммунистического общества! Л.И. Брежнев». Не успел я удивиться ещё раз – что-то не припомню я таких высказываний за «дорогим Леонидом Ильичом», как и не помню, чтобы 12-е апреля когда-нибудь отмечали у нас с такой помпой – как большой чёрный динамик, стоящий на крыльце, зашипел, закашлялся, и над головами собравшихся поплыло бодрое:

*«...Заправлены в планшеты космические карты,
И штурман уточняет последний раз маршрут.
Давайте-ка ребята закурим перед стартом,
У нас ещё в запасе четырнадцать минут...»*

Забавно, усмехнулся я, здесь ещё не наступила эпоха повальной борьбы с курением. И то, что в наши времена не задумываясь, объявили бы вредоносной пропагандой, никто тут предосудительным не считает.

Сюрприз – а уроков-то сегодня, оказывается, нет! То есть по расписанию они есть, те самые, что указаны у меня в дневнике – но на деле большую часть первого урока, труда, съел импровизированный митинг на улице; второй урок, русский превратился в праздничный классный час, благо учительница литературы Татьяна Георгиевна (сам вспомнил, без подсказок!) оказалась заодно нашим классным руководителем. Третий же и остальные уроки были отменены по всей школе – нас собрали в актовом зале, и после положенных речей устроили просмотр... как думаете, чего? Правильно, «Отроков во Вселенной!» То есть на этот фильм я сегодня всё же попал, хотя и без бонуса в виде общения с юными актёрами.

Соответственно, и встреча с одноклассниками вышла несколько смазанной. Почти всех я узнал, однако общения не получилось – все были радостно возбуждены по случаю праздника, и даже разборка с Кулябьевым похоже, отклады-

валась. Что ж, мне это, пожалуй, на руку – окончательно лохом и чмошником меня ещё не успели выставить, а значит, единожды данный отпор позволит поставить себя в новом классе, что называется, «с чистого листа». Но об этом будем думать потом, в понедельник – сегодня рыжему и его рыбакам-прилипалам точно не до меня.

Как и мне не до них. Потому как сюрпризы продолжились, и ещё какие! Ну, хорошо, насчёт масштабов празднования Дня Космонавтики я мог и запомнить (хотя – с чего бы, всё остальное, вроде, помню?), но вот содержание речей, лозунги, праздничные стенгазеты и прочая наглядная агитация, которой в изобилии увешаны и актовъй зал, и школьные рекреации – с этим как?

Про удивившую меня цитату Брежнева я уже упоминал. Но ею дело далеко не ограничилось: на первом этаже, возле школьной раздевалки, где висят расписания уроков, я обнаружил стенгазету, выпущенную к праздничной дате одним из десятых классов. Не меньше четверти её объёма составляла старательно переписанная от руки и снабжённая вырезанными из «Огонька» фотографиями статья дорогого Леонида Ильича. В ней подробно, в деталях, излагалось, как в бытность свою первым секретарём ЦК КП Казахстана он принимал участие в строительстве космодрома Байконур, в частности – всячески отстаивая строительство этого объекта не в Дагестане и не в низовьях Волги, на так называемых «Чёрных Землях», а именно в Казахстане. Более того: Брежнев в

статье упоминал, что став секретарём ЦК КПСС, он продолжал курировать вопросы развития космической техники, и даже был удостоен Золотой Звезды Героя Соцтруда за подготовку полёта Гагарина. Ни одной из этих подробностей я не помнил совершенно, но в одном мог дать голову на отсечение: парадных медальонов с профилями Гагарина, Королёва и Леонида Ильича в нашей реальности мне не попадалось.

А на закуску – прочувствованный пассаж из речи директора насчёт развития и углубления международного, в особенности, советско-американского сотрудничества в космосе! Поначалу я на это не отреагировал, решив, что речь идёт о подготовке к полёту «Союз-Аполлон», широко разрекламированного и в нашем прошлом. В конце концов, на дворе 1975-й год – и именно этот полёт наряду с окончанием вьетнамской войны стал чуть ли не самым запоминающимся его событием. Но когда директор упомянул о запущенной в прошлом году станции американской орбитальной станции «Скайлэб-2» я насторожился. Тут-то и прозвучали слова насчёт советско-американской миссии – но к моему глубочайшему удивлению, она называлась вовсе не «Союз-Аполлон», а «Союз-Скайлэб» – долговременная, как я понял из речи, программа, в которой кроме нашего корабля должна быть задействована первая американская орбитальная лаборатория. Что-то подобное, как я припомнил, планировалось и «у нас» – но так и не состоялось; здесь же об этой программе говорят, как о свершившемся факте. Мало того: на кружащей

сейчас по орбите станции «Салют-4» работает совместная советско-американская экспедиция из двух человек – Виталия Севастьянова и неизвестного мне астронавта по имени Масгрейв, – а ближайший запуск «Союза» (порядкового номера директор не упомянул) производится для того, чтобы доставить на вторую «Небесную лабораторию» двух наших космонавтов, которым предстоит работать там с американцами и невесть как затесавшемся в их компанию французом!

Всё это не лезло ни в какие ворота и напрочь смазало удовольствие от просмотра любимого фильма. В итоге я едва досидел до финальной сцены с запиской (помните: «Не пора ли на Землю, друзья?») после чего подхватил сумку под мышку, выбрался из актового зала и, не чуя под собой ног, припустил домой. Ладно, с космосом, так или иначе, разберёмся, даже не зарываясь в газеты – вот вернутся родители, и я всё узнаю из первоисточника. Но интуиция уже сейчас прямо-таки вопит, что этим сюрпризы не ограничатся, и давешний «ЗиСовский» шильдик на решётчатой морде стотридцатого «зилка» – всего лишь первый из них.

Сам не помню, как добрался до дома. Захлопнул дверь, отпихнул сунувшуюся, было, лизаться собаку, стащил ботинки и как был, не снимая куртки, потопал на кухню, к телефону. Произошедшее требовалось срочно обмозговать, но сначала надо принять кое-какие меры предосторожности.

– Бабуль? Это я. Да, всё нормально, только из школы. Что,

Дворец? Нет, не пойду, устал, шумно у нас очень было – праздник ведь, а вместо третьего урока ещё и кино показывали. Да, и тебя тоже поздравляю, и деду передай поздравления... Только к вечеру вернётся? Ну да, конечно, у них там тоже торжества... Нет, не голодный, от вчерашнего обеда осталось. Что на ужин? Схожу в магазин, куплю пачку пельменей. Да-да, завтра прямо с утра к вам, не волнуйся... Ладно, пока, а то мне тут ещё кое-что сделать надо.

Так, полдела сделано, сегодня визита бабушки не будет. Это, с одной стороны, неплохо – не придётся объясняться насчёт собаки. А с другой – насчёт обеда я наврал, сковородка пуста и мне, в самом деле, придётся идти в магазин. Я встал, швырнул куртку на стол (хорошо, мать не видит, она бы мне задала!) и протопал в родительскую комнату. Деньги мать оставила как обычно, в сахарнице... так, трёх рублей должно хватить – пресловутые пельмени, ливерная «собачья радость» для Бритьки, ну и к чаю чего-нибудь, на вечер. Надо же как-то отметить первый день попаданства!

Чёрт, время-то как стремительно летит! Вчера, помнится, только и делал, что предавался рефлексии, а сегодня – некогда присесть и подумать! И ведь есть о чём: того немногого, что я успел выяснить с утра, с лихвой хватило, чтобы понять: прошлое, в котором я оказался какое-то... не то. Причём отнюдь не в бытовых, памятных с детства мелочах, с ними-то как раз всё в порядке. Нет, тут расхождения основательные системные, а вот сформулировать, в чём они заключаются,

не выходит. Космос? Да, конечно. Шильдик «ЗиС» вместо полагающегося «ЗиЛа»? И это – да, тем более, что на обратном пути я заметил минимум три знакомых грузовика с теми же самыми «аксессуарными». Но много ли увидишь во дворах, а на улицы, даже не самые оживлённые, вроде нашей Крупской, я сегодня не выбирался. Ну, ничего, до угла Ленинского проспекта всего полквартала, и там-то наверняка многое прояснится...

Что ещё – радио, телевизор? Я щёлкнул выключателем, экран «Темпа» (массивный лакированный ящик на тонких ножках) засветился. Чёрно-белый, конечно... ладно, сойдёт и так. А вот с выбором каналов тут неважно: на первой кнопке (никакой кнопки, разумеется, нет и в помине, а есть большой верньер из серой пластмассы, проворачивать который приходится с немалым усилием) какая-то классическая музыка. Вторая и четвёртая демонстрируют увлекательнейшее зрелище в виде настроечной таблицы, а на третьей – солидного вида товарищ рассуждает о вопросах научного коммунизма. Я совсем было собрался плюнуть и поискать газету с телепрограммой на неделю (она должна быть где-то здесь, вся исчёрканная карандашом на предмет того, что стоит посмотреть) – как вдруг что-то резануло мой слух. Я сделал громче, подождал – и вот оно, снова!

– ...в своей статье в «Правде» от десятого апреля сего года, – говорил ведущий, – член ЦК КПСС товарищ Шепилов коснулся вопросов дальнейшего развития марксистско-ле-

нинской философии, как науки, определяющей...»

Я повалился в кресло, будто оглушённый ударом по голове... если не пресловутым пыльным мешком, то уж точно диванным валиком, с хорошего такого замаха. Как – Шепилов? Какой, нахрен, Шепилов? Тот самый, который «... и примкнувший к ним?..» Так его же с пятьдесят седьмого, после разгрома «антипартийной группы», законопатили в то ли в Туркмению, то ли в Киргизию, заведовать республиканским архивом, и больше о нём никто ничего не слышал? А тут – гляди ты, целый член ЦК, и, судя по тематике статьи, которую бодро обсуждает на экране марксистско-ленинский товарищ, занимается там как раз идеологией, заняв место... Сулова? Я кинулся в прихожую, где рядом с вешалкой, на тумбочке, мать складывала старые газеты. Да, есть! Стопка, правда, жидковата, ну так мы тут недавно, да и газет много уходит в процессе обживания новой квартиры – то застели, это подотри, то заверни и выброси... Я разворошил всю пачку, безжалостно отшвыривая ненужные номера прочь, пока не наткнулся на то, что искал.

Вот оно – ряд фотографий членов ЦК! Вверху, крупнее других – ясное дело, Леонид Ильич. Косыгин тоже присутствует, и судя по подписи, занимает ту же должность Предсовмина, Подгорный – председатель Президиума Верховного Совета... чёрт его знает, в чём разница между этими двумя должностями, но фамилию эту я, вроде помню. Громыко – министр глава МИДа, тут никаких сюрпризов, как и с Ан-

дроповым – и здесь он, надо полагать, не просто член Президиума, но и Председатель КГБ СССР... ага, вот!

Шепилов, Дмитрий Трофимович, Член Президиума ЦК... а Суслова нет. Вообще. Выходит, Шепилов занимает его место ведущего идеолога страны? Но ведь тогда...

А что там пишут о дорогом Леониде Ильиче? Генеральный Секретарь ЦК КПСС с... как так – с семьдесят первого года? Хрущёва ведь сместили ещё в шестьдесят четвёртом, и с тех пор именно Брежнев занимал этот пост. Так, а кто был его предшественником в кресле Генсека?

Увы, в газете об этом не было – причём ни в одной из тех, которые я просматривал в течение следующих минут сорока. Н-да, задачка... в библиотеку, что ли, сходить? Районная здесь, неподалёку – я, помнится, был в неё записан, и уж подшивки газет шестилетней давности там точно найдётся. Или... не должны? В нашей истории уже были прецеденты, когда газеты и журналы с упоминаниями чего-то не соответствующего новой линии партии изымали из библиотек по всей стране, не считаясь с затратами.

...а я-то, наивный чукотский юноша, всерьёз рассчитывал, что конфликт с болваном Кулябьевым – самая неотложная из моих проблем...

V

В общем, ни в какую библиотеку я не пошёл. Торопливость хороша только при ловле блох – что такого случится, если я разберусь в ситуации на сутки позже? В какой-то момент я стал ощущать нервную трясучку и осознал, что ещё немного, и допрыгаюсь до нервного срыва. А потому – я сходил-таки в магазин (пельмени «русские» в знакомой с детства красно-белой килограммовой пачке по шестьдесят две копейки, ливерная колбаса (второй сорт, полтинник за кило) пачка «Геркулеса» – его предполагалось запарить сразу по возвращении, чтобы и вечером зверя покормить, и с утра, и ещё на завтрашний ужин хватило бы. Столь резкая смена рациона меня несколько беспокоила, но тут уж ничего не поделать – ни «Чаппи» с «Педигри», ни элитную дороговую «Эканубу», ни даже отечественную «Трапезу» тут взять неоткуда.

Поход в магазин обогатил меня давно забытыми и даже в чём-то умилительными впечатлениями: сначала пришлось отстоять недлинную очередь к прилавку, дожидаться, когда необъятных размеров продавщица взвесит и отложит всё, что нужно, потом ещё одну, подлиннее, в кассу. Наконец, уже без очереди, получить покупки, обменяв их на выбитый лязгающим кассовым аппаратом чек, и запоздало порадоваться, что, уходя из дома, сунул в карман сумку авоську,

потому как ни о каких пакетах для покупок тут не слыхали, а расскажи – не поверили бы, сочтя буржуазной пропагандой и враждебной вылазкой. Заодно, в «Кулинарии» на втором этаже я прикупил полкило печенья «Масляное» в виде больших рассыпчатых ракушек, и уже предвкушал, как заварю сейчас чайку покрепче (на кухне обнаружился и предамся релаксации, как меня, на подходе к родному двору, окликнули).

– Лена? Титова, да?

Девочку, обратившуюся ко мне, я узнал сразу, а неуверенности подпустил... сам не знаю, зачем. Может, от некоторого смущения – хотя смущаться мне, шестидесятилетнему мужику, пусть и в подростковом теле, вроде, как и не пристало.

– Верно! – очаровательная улыбка стала мне вознаграждением, как и жизнерадостное тьяканье полугодовалого эрделя, весело скакавшего возле хозяйки. – Ты ведь в этом доме живёшь?

– Ага, в нём самом! – подтвердил я.

– А я вон в том, следующем! – девочка махнула рукой. – А тут гуляю с Джерри!

А то я не знаю! Весь следующий класс нам предстоит просидеть за одной партой, и я буду чуть ли не ежедневно провожать её до подъезда, и даже носить портфель. А влюблюсь всерьёз через год, в десятом классе – и не сказать, чтобы совсем уж безответно. Мы танцевали на выпускном, целова-

лись... а потом, спустя всего три месяца я узнал, что Ленка вместе с родителями уезжает в Вену, а дальше – сами понимаете, куда. Насовсем. Это стало первой моей серьёзной жизненной катастрофой... во всяком случае, так я тогда думал.

И собака у неё, помнится, тоже была – сколько раз, помнится, я выходил из дому после ужина, чтобы сопроводить эту парочку во время вечерней прогулки!

– Мама говорила – у тебя тоже есть собака? – спросила тем временем девочка. – Она вас вчера здесь видела, а сегодня перед школой заметила и узнала! Какая-то особенная, редкая порода и очень красивая?

Слов-то сколько... но интерес явно неподдельный – оно и неудивительно, если вспомнить, какой фурор мыс Бритькой произвели вчера среди местных собачников. А что, чем не повод для развития и углубления знакомства?

– Так и есть. – отвечаю. – Вашего Джерри я помню, вместе гуляли вчера. – И, прежде чем она успела открыть рот для нового вопроса, торопливо добавил:

– Я вот тоже собрался сейчас вывести Бритьку – так может, дождётесь меня? Я быстро, туда и обратно, вот и познакомьтесь!

И, не дожидаясь радостного «Да, конечно!», или хотя бы согласного кивка, со всех ног припустил к своему подъезду, размахивая на бегу авоськой с пельменями и половиной круга ливерной колбасы.

Прогулка затянулась часа на полтора. Скучать, впрочем, было особо некогда. Звери, спустив первый пар, притомились скакать и бегать, и держались поближе к нам – так что решено было отправиться на улицу Крупской, пройти по бульвару. Одно слово, что бульвар: деревья ещё не успели толком пойти в рост, так, торчит из земли что-то, недалеко ушедшее в развитии от прутиков-саженцев... Впрочем, нам было не до зелёных насаждений: сначала мы непринуждённо болтали о породах собак – Бритька ожидаемо вызвала у моей спутницы массу восторгов, – потом плавно перешли на одноклассников и вообще, школьные дела. Лена удивилась, узнав, что я, по сути, живу один, пока родители в командировке – в её реакции я уловил нотки зависти. А когда я упомянул что уехали они не куда-нибудь, а на Байконур, то собеседница пришла в восторг. «Как здорово! Увидят всё своими глазами! – защebetала она. – Между прочим, сегодня вечером, после «Очевидного-невероятного» будет прямая трансляция, экстренный выпуск новостей с космодрома! Будешь смотреть?» Я удивился – в изученной мною телепрограмме ничего такого не значилось. Лена снисходительно объяснила, что экстренный – он на то и экстренный, об изменении программы объявили только вчера, во время программы «Время», и теперь её родители – как и все остальные, наверное, – ждут-не дождутся назначенного часа. Ещё бы, такое событие: первый запуск не с помощью ракеты-но-

сителя, как это было раньше, а с помощью новой орбитальной катапульты!. Весь мир будет у экранов, как в те два раза, когда американец Армстронг, а через два года и наш Фетисов по Луне расхаживали! Да ещё и передачу обещают цветную, классно же!

После её заявления о Фетисове и Луне я завис – и настолько, что даже не сразу обратил внимание на оговорку насчёт «орбитальной катапульты». Чтобы как-то выйти из неловкого положения (не спрашивать же, тем более, у девчонки – раз мои родители работают в космической программе, по идее сам должен знать!) я промямлил, что у нас телевизор чёрно-белый, и в цвете я трансляции не увижу. И немедленно получил предложение: «пошли к нам, у нас и посмотришь!»

– А родители не будут возражать? – спросил я. – Я ведь у вас никогда не был, и вообще, неудобно, да и собаку надо домой отвести...

А сам покосился на запястье – до начала «экстренного выпуска» оставалось минут двадцать.

– Нет, что ты, мама даже обрадуется! – легко отозвалась Ленка. – А собаку бери с собой – она вчера весь вечер только о ней и говорила, всё сетовала, что хорошенько рассмотреть не смогла – вот, сейчас и рассмотрит!

– А отец?.. – я всё ещё не мог избавиться от сомнений.

– Папа будет поздно. Да и он не станет возражать, он собак ещё больше мамы любит! Соглашайся, чаем тебя напою, у нас кусок торта остался, «Прага». Вку-усный!

– Ну, раз «Прага», тогда пошли! – сдался я. В самом деле, зачем упираться, если так и тянет согласиться? И дело, если уж совсем честно, отнюдь не только в таинственной «орбитальной катапульте», действие которой мне предстояло увидеть на цветном экране...

Лена с родителями жили на седьмом этаже дома, углом выходящего на дворик с собачьей площадкой. Лифт был прочно оккупирован соседями – у них было что-то вроде переезда, и половина лестничной клетки на первом оказалась завалена тумбочками, замотанными в тряпки зеркала и штабелями картонных коробок. Так что, на седьмой этаж мы избежали вслед за собаками (какое это всё же удовольствие – ощущать себя в молодом, полном сил и здоровья теле, когда можешь бегом преодолеть четырнадцать лестничных пролётов и ничуть при этом не запыхаться!), и перепугали Ленкину маму ввалившимся в дверь лохматым, повизгивающим и гавкающим клубком из ушей, лап и хвостов. После чего, отчистив кое-как Бритьку с Джерри от собранной на улице грязи, для чего обоих по очереди пришлось запихивать в ванную, устроились в большой комнате, за застеленным скатертью столом, перед огромным, неподъёмным даже с виду, ящиком цветного «Рубина».

Мне не раз приходилось читать о разнообразных космических катапультах – от наклонных решётчатых эстакад, по которым в воображении фантастов пятидесятых разгонялись

крылатые космoplаны и до частично реализованного в Америке проекта улиткообразного центробежного ускорителя. В нём, помнится, «полезная нагрузка» разгонялась в кольцевой трубе до сумасшедших скоростей, чтобы потом выбросить её вертикально вверх, и по инерции достичь низкой орбиты. Но чтобы такое...

На первый взгляд это даже напоминало классический стартовый стол, каким все его знают по телепередачам и кинохронике: огромный вырытый в земле забетонированный котлован, прикрытый сверху козырьком, на котором, в свою очередь... только вот здесь не было раздвижных стартовых мачт с кабелями, трубопроводами, и площадками обслуживания. Вместо них поверх площадки, приподнятая на решётчатых опорах, красовалась тороидальная конструкция, сразу напомнившая мне великанскую катушку Тесла. С земли к «катушке» шли многочисленные жгуты кабелей, и всё это было подсвечено лучами прожектором. Что до ракеты, то она обнаружилась внизу, в котловане, ниже уровня стартового стола, и выглядела как-то неубедительно – во всяком случае, по сравнению с привычным обликом «Союзов», «Сатурнов» и «Энергий». Она походила на обрубок прежнего ракетного корабля – без разгонных труб первой ступени, да и короче вдвое, как минимум. Поддерживалась вся конструкция лёгкими решётчатыми фермами, и по ним, как продемонстрировали камеры телеоператоров, в кабину попали трое космонавтов, двое наших, и один американец, в точности,

как было объявлено ещё утром. Имён я не запомнил – был слишком занят, разглядывая диковинную конструкцию. По-надобилось усилие, чтобы сосредоточиться на словах комментатора – тот как раз объяснял, что обмотки стартовой катапульти (ага, всё-таки обмотки! Значит, первое впечатление оказалось верным...) запитываются от ядерного реактора, смонтированного в десятке километров от космодрома, по подземной высоковольтной ЛЭП. С этого места я стал слушать внимательнее, и уже через минуту узнал, что если запуск пойдёт успешно и корабль выйдет на расчётную орбиту (а что могло случиться, если предыдущие три беспилотные запуска прошли без сучка, без задоринки?) – тогда с интервалом в сутки на орбиту отправится и американский корабль, который уже установлен на другой «орбитальной катапульте», на космодроме мыса Канаверал. А за ним ещё через неделю последует – французский, с космодрома Куру во Французской Гвиане.

Пока я пытался осмыслить услышанное, диктор объяснил телезрителям, как собственно будет происходить запуск. Прозвучали положенные напутствия, телекамеры крупным планом показали техников, закрепляющих последние болты на крышке обитаемого отсека, и...

Этому старту не хватало грандиозной, поистине вулканической торжественности взлётов многоступенчатых прежних ракет. Сначала заискрилась «катушка» катапульти, по всей её поверхности зазмеились лиловые молнии-разряды, а

комментатор с опасливым восторгом признался, что у него самого волосы встают дыбом – настолько воздух вокруг стартового комплекса перенасыщен электричеством. Потом сработала первая (и единственная) разгонная ступень, поднимающая корабль на огненном столбе – и когда он пересёк плоскость «катушки», экран ослепительно вспыхнул и погас. Картинка с космодрома сменилась настроенной таблицей, но диктор предупредил и об этом – электронику, в том числе и телекамеры, заранее вырубил, чтобы уберечь от сокрушительного электромагнитного импульса в момент срабатывания «катапульты». Люди же, находящиеся в опасной близости от установки, сообщил он, облачены в специальные защитные костюмы, и их здоровью ничего не угрожает. Когда картинка восстановилась, дымное облако, окутавшее и стартовый стол, и «катушку Тесла» уже оседало, а торжественный голос сообщил, что «пилотируемый корабль «Союз-К1» успешно вышел на расчётную орбиту и в настоящий момент выполняет манёвр разгона для последующего сближения и стыковки с орбитальной станцией. На Землю кораблю предстояло вернуться традиционным способом – сначала затормозив в разрежённых слоях атмосферы, а потом воспользовавшись парашютной системой. Но недалёк тот день, когда место старых «Союзов» и «Аполлонов» займут новейшие «космические самолёты» – они будут садиться на крыльях, а потом их снова запустят в космос. Уже сейчас первый самолёт под названием «Буран» готовится к лётным испытаниям,

которые должны состояться этим летом. А пока – поздравляем вас, товарищи, с грандиозным успехом советской космонавтики, с этим поистине судьбоносным шагом, открывающим человечеству путь к освоению Космоса. И символично, товарищи, что шаг этот совершён в день, когда весь мир празднует пятнадцатую годовщину первого полёта человека в Космос, ура!

Картинка снова сменилась, и на экране появился Брежнев – оказывается, он присутствовал на космодроме и теперь повторял основные тезисы речи диктора, делая результаты запуска официально совершившимся фактом. Что характерно – не забыл дорогой Леонид Ильич упомянуть и о том, как сам в далёком пятьдесят седьмом трудился, не покладая рук, на запуске Байконура, внося, таким образом вклад в открытие космических врат для всей земной цивилизации.

Дальше пошла трансляция из ЦУПа, потом с американского стартового комплекса (точно такой же «бублик» катапульты поверх стартового стола, и кружащие над ним вертолёты в цветах американского флага»), потом выступление американского президента Никсона (Как так? А где Джеральд Форд, которому полагается сидеть в Овальном кабинете с семьдесят четвёртого года? Или, здесь и Уотергейта не было?..) Далее пошла картинка из французского ЦУПа, развёрнутого на борту авианосца «Клемансо» – а я шумно выдохнул, обнаружив, что всё это время задерживал дыхание. И вслед за Ленкой и её мамой захлопал в ладоши – как

хлопали сейчас миллионы людей перед экранами своих телевизоров по всему миру.

И как я только ухитрился пропустить информацию о предстоящем запуске? Ведь битый час копался после школы в газетах и журналах, да и в сумке со вчерашнего дня лежит номер «Техники-Молодёжи». И наверняка там (хотя бы по случаю надвигающегося Дня Космонавтики) было что-то, из чего можно было понять, что процедура старта будет не похожа на то, что я мог ожидать! Хех, не пропусти я вчерашнее занятие во Дворце – наверняка всё знал бы. Хотя, «всё» – это, пожалуй, перебор. В той круглой штуковине явно используются какие-то иные физические принципы, из числа тех, о которых у нас рассуждали исключительно фантасты, вроде Беляева, описавшего в своём «Ариэле» объёмное ускорение ВСЕХ атомов некоего массивного тела. Разобраться в них при помощи сведений, содержащихся в статье из научно популярного журнала – вот это самая настоящая фантастика и есть. Гадать же можно хоть до морковкиного заговенья, и всё равно ни до чего не додуматься...

Итак, сообщения о предстоящем запуске я пропустил – банально прозевал, не обратил внимания, увлечённый поисками портретов членов Президиума, и это не очень-то хорошо меня характеризует. Потому что – с таких вот мелочей и начинается превращение гордого собой попаданца в скучного обывателя. Признаюсь, мысль эта несла оттенок иронии – тоже безусловно, вид защитной реакции... Но, если уж по

гамбургскому счёту – так ведь оно и есть! Сперва не дать себе труда разобраться в чём-то, лежащем под самым носом; потом начать устраивать комфортную жизнь себе любимому «здесь и сейчас», а космос – что космос? Пить-есть его не будешь, а романтики и прочей фантастики, научной и не очень, я и в «той, другой» жизни наелся досыта и даже больше – так стоит ли начинать заново? А вот стоит, потому что однажды вся страна, если не весь мир приняли такое решение – и чем дело закончилось?

Попробуйте сейчас, в семьдесят пятом году, сказать, что полвека спустя люди всё ещё будут спорить, стоит ли лететь на Луну, а над их головами станет нарезать круги ветхая орбитальная станция, запущенная четверть века назад – станция, в которой не успевают латать дыры, да дискутировать – топить её в океане, или обождать немного? Ну, хорошо, станций, положим, две, считая китайскую «Тяньгун-2» – но летать-то к ним обеим по-прежнему будут в кораблях, мало отличающихся от нынешних «Союзов» и «Аполлонов»... Нет, не поверят такому пророку, засмеют, а то и по физиономии дадут, чтобы не поганил своим языком святого.

Вот и насчёт Политбюро – нет, не зря потрачено время, совсем не зря. Вопрос, как говаривал дедушка Ленин, «архиважный» – одна только замена угрюмого фанатика Сулова на вполне вменяемого и ориентированного на внутрипартийный прогресс и развитие Шепилова дорогого стоит, а уж то, что страна была избавлена от хрущёвского волюнтариз-

ма...

Да, пока я действительно мало что понимаю, – уж очень обрывочны и неопределённые полученные сведения, но уже завтра всё изменится кардинальным образом. И дело тут во-все не в походе в библиотеку: встреча с дедом, затеянная ради легализации собаки, обещает обернуться чем-то совсем другим. Из рассказов матери мне было известно, что при Хрущёве дед занимал весьма высокий пост, был кандидатом в члены ЦК, и даже не сойдясь характерами с «кукурузником» (тот покончил с дедовой карьерой, по гроб жизни законопатив его в Госплан) сумел-таки продавить создание советской титановой индустрии. Против этого возражали некоторые советники Никиты Сергеича, но дед настоял на своём, за что его потом благословляли целые поколения авиа- и ракетостроителей, создателей атомных подводных лодок и экономистов. Не говоря уж о советских альпинистах, которым люто завидовали зарубежные коллеги – а всё из-за прочнейшего, почти невесомого титанового карабина «Ирбис».

Насколько я помню, дед всегда избегал любых политических бесед. Но тогда-то я был всего лишь школьником, мало интересующимся нюансами внутренней и внешней политики СССР – а сейчас вытягивать из него сведения будет человек, обладающий солидным жизненным опытом. Дед, если мне память не изменяет, семнадцатого года рождения – то есть, сейчас ему пятьдесят восемь, на три года меньше, чем было мне, когда я оставил свой две тысячи двадцать третий

год и провалился в прошлое. А значит, разговор пойдёт на равных, и тут важно не перестараться что с психологическими уловками, что с демонстрацией послезнания.

Кстати, о послезнании. Ты уже понял, парень, что оно, это главное достояние попаданца – не более, чем фикция? Неизвестно ведь, как изменились видимые, а особенно, глубинные, подспудные течения мировой политики в этой, явно альтернативной реальности! Теперь можно рассчитывать лишь на самые общие сведения, вроде представлений о личностях тех или иных политических деятелей, выцарапанных из памяти дат природных катаклизмов, да того, что можно с натяжкой назвать «общими тенденциями». Но и это более, чем сомнительно: ну кто в «том, другом» 1975-м году мог бы помыслить о такой «общей тенденции», как создание программы «Интеркосмос», только на этот раз в советско-американском, да ещё и с французским участием, исполнении? То-то...

Вот и родной подъезд. Я подозвал собаку (в поводке Бритька давно не нуждалась, и я пристёгивал его лишь когда предстояло идти по многолюдным улицам или пересекать проезжую часть) и распахнул дверь, пропуская золотистое чудо вперёд. Сейчас – душ, стакан чаю и спать, спать. Есть не хотелось совершенно – обещанная «Прага» оказалась не только вкусной (Ленкина мама не преминула похвалить, что торт из кулинарии при знаменитом ресторане) но её ещё и оказалось так много, что воспоминание о дожда-

ющемся дома печенье уже не вызывала особого энтузиазма.

Нет, но интересно-то как! И, похоже, дальше будет всё интереснее и интереснее. А тут ещё этот придурок Кулябьев со своими шакалами Табаки... Нет, ребята, ничего личного – придётся поскорее и пожёстче с вами разобраться, чтобы потом не отвлекаться на всякую ерунду.

...а попаданцем-то, оказывается, быть не просто увлекательно – захватывающе! Столько всего нового узнаёшь! Да и с Ленкой Титовой удачно вышло – хотя рецидив подростковой влюблённости более, чем сомнителен, не тот у меня жизненный опыт. А вот юношеские гормоны как раз те самые, так что зарекаться я бы поостерёгся...

Последнее, о чём я подумал, уже проваливаясь в колодец сна: по сути, я ведь «попал» в чрезвычайно удачный момент, точнёхонько на переход от старых, громоздких, опасных и чудовищно затратных ракет-носителей к куда более экономичному, а значит и массовому способу выведения полезной нагрузки на орбиту! И пусть я даже приблизительно не догадываюсь, на каких принципах действует новинка, но она есть, работает – и это, если я правильно сложил два и два, обещает в самом ближайшем времени не просто гигантский скачок в освоении ближнего космоса – перелом, прорыв в новую космическую эру.

Случайность? Совпадение? Ох, сомневаюсь...

VI

Утро. Будильник молчит. Жизнерадостное апрельское солнышко пробивается сквозь занавески, и холодный нос тыкается в щёку с напоминанием, что вообще-то пора, хозяин, и о собаке подумать. Ну, хорошо-хорошо, – споласкиваю физиономию холодной водой, чтобы прогнать остатки сна, одеваюсь, выхожу на двор, где мы уже успели обрасти кое-какими знакомствами.

После получасовой прогулки, дом, завтрак и включённый на полную громкость «Маяк», где только и говорят, что о вчерашнем успешном запуске – как и о запланированном на сегодня американским старте. Чай из пачки «со слоником» красноватый и чрезвычайно крепкий, печенье «Масляное» именно того вкуса, что помнился мне детства – жизнь определённо удалась, товарищи!

Во всяком случае, на сегодня.

Всё-таки я какой-то неправильный попаданец – раз не готов вот так, с пол-оборота строить планы о спасении страны или, хотя бы, об обеспечении дальнейшей безбедной и беспроблемной жизни себя, любимого. Может, дело в том, что попал я слегка «не туда», и весь мой бесценный багаж познания, мало чего стоит? Или в том, что то небольшое, что я успел увидеть, не вызывает непреодолимого желания спасти и предотвращать – а наоборот, жить, радоваться и

наслаждаться ожиданием светлого (обязательно!) будущего? Нет, правда: я понимаю, что середина семидесятых для человека, помнящего и душный застой середины следующего десятилетия, и кромешный ад девяностых, и «прочая, и прочая, и прочая», включая войну на Украине и почти неотвратимую перспективу глобальной ядерной войны – время чуть ли не райское. Но это ведь относилось ко всем книжным попаданцам, которые задумывались прежде всего о том, чтобы не допустить грядущие ужасы. А я – что, какой-то особенный?

Выходит, что особенный – вернее сказать, «особенный» не я сам, а мир вокруг меня. Ладно, я не беру расхождения в космической программе, несоответствия в составе власть имущих, причём что в благословенном отечестве, что за океаном – но вряд ли только этим дело и ограничивается! А пока интуиция прямо-таки вопиет, что тут всё не так, и спасать ничего не надо, потому как оно и само неплохо так развивается. Или дело в эйфории, порождённой не в последнюю очередь ощущением собственного, юного и абсолютно здорового тела?

Разбираться со всем этим, конечно, придётся – но кто сказал, что этим надо заниматься немедленно? Если честно, после вчерашних потрясений у меня не хватит душевных сил даже на то, чтобы спуститься к почтовому ящику за газетами и просмотреть новости...

Нет, тут я, пожалуй, ошибся – к газетному ящику сбегать

стоит, но дело вовсе не в новостях. Дело в том, что начиная с января этого года в «Пионерке» печатают фантастическую повесть чешского писателя Александра Ломма «Дрион» покидает Землю». Довольно занятная и почти забытая любителями фантастики более поздних времён история про инопланетянку прибывшую на Землю в шарообразном «биотехнологическом», как это сказали бы в наши времена, корабле. Дело происходило в Средней Азии, в период ликвидации басмачества; Миэль (так звали прекрасную астролётчицу), намеревалась ни много ни мало, избавить человечество от агрессивности и перспективы всеуничтожающей войны, покончив, попутно и со способностью к развитию. Но не сложилось: незваную «прогрессоршу» подстрелили в стычке с местными бармалеями; за этим последовал перелёт на её родную планету в сопровождении одного из землян, конфликт с местным спятившим электронным мозгом, увенчавшийся полным успехом и победой посланца Республики Советов на фоне романтической любви – и, наконец, возвращение на Землю...

Первую часть повести начали печатать ещё в прошлом, семьдесят четвёртом году, и я помню, как с замиранием сердца ожидал очередного выпуска. А, поскольку отец имел обыкновение забирать газеты, отправляясь на работу, приходилось на большой перемене бежать на первый этаж, где в холле, на стендах вывешивали свежие номера «Пионерки». Я даже собирал вырезки с новыми главами – они нашлись

в картонной папке, в ящике моего стола. Но сегодня новой порции инопланетных приключений не было – оказалось, «Пионерская правда» выходит дважды в неделю, по вторникам и четвергам. Облом-с...

Ладно, что тут поделаешь, подождём до завтра (удивительно, но мне всерьёз хочется окунуться снова в давно забытую историю), а пока – можно расслабиться и получать удовольствие, не забивая себе голову всяким... нет, не вздором, конечно, но вещами несколько от меня отдалёнными, во всяком случае, на текущий момент времени. Имею право, или нет?

Еще как имею – а если даже нет, то кто мне запретит? И раз так, то давайте-ка займёмся куда более скромными, но насущными текущими проблемами. Что у меня на сегодня запланировано? Прогуляться, наконец, по Ленинскому проспекту, поглазеть на окружающую жизнь? Попытаться (если это возможно, разумеется) хотя бы на этот воскресный день, хоть на небольшую его частичку ощутить себя обыкновенным беззаботным школьником, которых сейчас полным-полно на улицах, и все радуются весеннему солнышку? Позвонить Ленке и предложить вечером встретиться, погулять с собаками – а заодно продолжить осторожные расспросы о школе и одноклассниках? А вернувшись, поужинать пельменями и посидеть перед чёрно-белым телеком, наслаждаясь выпуском «Кабачка 13 стульев», которых в Интернете почему-то раз-два и обчёлся?

Да ведь есть ещё и самая срочная, самая актуальная задача: встретиться с дедом на пример легализации Бритьки. Вот и приступим, не откладывая...

И я потянулся к телефону.

С дедом мы встретились на бульваре, тянущемся вдоль улицы Крупской – там он по воскресеньям совершал пробежки. Это был целый ритуал, под названием «дед бегает трусцой» – большой, крепкий, широкий в плечах, он надевал ярко-синий спортивный костюм, вязаную лыжную шапочку, кеды – и в таком виде отправлялся на пробежку, не делая различия для времени года или погодного прогноза. Исключения составляли те воскресные и субботние дни, когда он отправлялся на стенд, или на охоту – и как раз на эту тему я намеревался завести сейчас разговор.

Так оно и вышло. Я увидел его далеко в перспективе бульвара, махнул рукой и пошёл навстречу; Бритька, успевшая уже набегаться вволю, трусила рядом со мной, так что у деда было достаточно времени, чтобы задаться вопросом, что это там такое происходит – а когда мы сблизилась на достаточное расстояние, оценить заодно явно охотничьи стати незнакомой собаки. Конечно, золотистый ретривер, как и лабрадор – порода в СССР почти неизвестная, но дед много лет выписывал журнал «Охота и охотничье хозяйство», в котором печатались статьи по охотничьему собаководству, плотно общался с весьма высокопоставленными людьми, отдаю-

щими дань тому же увлечению, и я рассчитывал, что поро-ду-то он опознает. Ну, или примет за обожаемых им ирланд-ских сеттеров, тоже неплохая база для первого знакомства...

Так оно и вышло: дед смерил нас удивлённым возгласом и, вместо того, чтобы подать мне свою огромную, как лопата, ладонь, присел на корточки и протянулся к собаке. Бритька, существо крайне доброжелательное и неизменно радующе-ся любому знаку внимания, не подвела: лизнула широким розовым языком руку, потом уселась и, склонив на бок улы-бающуюся мордашу, в свою очередь подала новому знакомо-му лапу. Этот жест окончательно растопил ледок недоверия, даже если он и был с самого начала: не прошло и минуты, как мы шли по бульвару вниз, в сторону проспекта Вернад-ского, собака нарезала круги вокруг нас, а я торопливо из-лагал деду заранее заготовленную и тщательно отрепетиро-ванную легенду.

Если вкратце – собака оставлена на моё попечение одно-классником, с которым мы учились в прошлой моей школе, и которому пришлось неожиданно уехать вместе с родител-ями за границу. Щенка его отец привёз полгода назад из оче-редной загранкомандировки – но не предполагал тогда, что Родина в самом скором времени призовет его продолжить службу на чужбине, причём предложив прихватить с собой и семью тоже. Собаку же начали обучать охотничьим премуд-ростям (глава семейства и сам был страстным охотником), но, поскольку новое назначение было не куда-нибудь, а в Ар-

гентину, от мысли взять зверя с собой в трансатлантический перелёт пришлось отказаться. Собаку же оставили мне, причём по моей же горячей просьбе. «Ну, ты же такой охотник, дед, – сказал я, а всё время таскаешь уток, вальдшнепов и прочую болотную и водяную дичь, а это её прямая специальность!»

Сочиняя эту историю, я практически ничем не рисковал: мой старинный, с первого класса, друг Димка Кулаков действительно после третьей четверти отбыл вместе с родителями в Аргентину. Они у него были сотрудниками советского посольства, хоть и не дипломатами – отец служил автомехаником в посольском гараже, а мать на прошлом месте работы, в советском посольстве в Дели была шеф-поваром. Проверить эти сведения без привлечения каких-то специальных способов не представлялось возможным, и хотя я не сомневался, что дед при желании эти возможности изыскал бы. Но делать этого он наверняка не будет – в особенности, когда прозвучали волшебные словосочетания «работа по подноске дичи» и «подружейная порода, которые я в своём повествовании употребил каждое, по меньшей мере, по три раза. К концу получасовой прогулки мы договорились, что через неделю вывезем собаку на пробу в Запрудню, на торфяники, постоять на вальдшнепиной тяге, а пока – наперебой обсуждали, как бы сделать так, чтобы бабушка смирилась с появлением в доме нового члена семьи. Нет, у меня и в мыслях не было оставить собаку у деда – он, может, и согласил-

ся, поскольку всегда мечтал о хорошей охотничьей собаке, но график работы не позволил бы уделять Бритьке достаточно внимания. Бабулю же, в лучшем случае, можно рассчитывать терпеть зверя, но чтобы взваливать на себя новую обузу – это вряд ли. К тому же и у меня не было ни малейшего желания расставаться с собакой, последовавшей за мной через почти пятидесятилетнюю пропасть, в какую-то другую, не нашу, альтернативную реальность. Так что, знакомиться всё равно придётся – и было решено сделать это прямо сейчас, не откладывая.

Надо было видеть, как поползли вверх бабулины брови, когда она обнаружила в дверях нашу весёлую компанию! Это помогло проскочить первый, самый важный момент – если бы она с порога, не слушая возражений, отказалась бы пускать Бритьку в дом, нам с дедом пришлось нелегко. Но она в удивлении сделала шаг назад, что позволило нам, всем трим, войти. И тут уж собака показала себя во всей красе: усе-лась на резиновый коврик с видом девочки-отличницы, и не сделала ни шагу, прежде чем не появился тазик с водой и тряпка, которой ей вымыли одну за другой все четыре лапы. Асфальт на улице не успел ещё подсохнуть, так что грязную воду пришлось дважды менять – и это произвело на хозяйку дома неизгладимое впечатление. Рушился главный и первый в такой ситуации аргумент: «притащили грязь в дом!» Потом Бритька сунулась к бабушке носом с намерением установить контакт обычным способом, а когда попытка эта бы-

ла пресечена – «нечего тут нежности разводить!» – понимающе вздохнула, и наскоро осмотрев комнаты, улеглась в коридоре. Типа: «я тут маленькая, лежу, никого не трогаю, жду, пока дадут какую-нибудь вкусняшку». И даже протестовала, когда я пресёк её поползновения проникнуть в кухню во время обеда, хотя на морде было явственно написано: «и ты, Брут...»

После обеда мы с дедом устроились в гостиной и, как не смотрел я голодными глазами на шкаф с собранием сочинений Ленина, томом «истории КПСС» и подборкой журнала «Коммунист», пришлось продолжить беседу на охотничьи темы. Мы в подробностях обсудили предстоящую вылазку на природу, дед ощупал Бритькины лапы, морду и шею, от чего та пришла в полнейший восторг и перевернулась на спину, подставив для ласки брюхо. Дед осведомился, привычна ли псина к поездкам на автомобиле (в Запрудню предстояло добираться на машине дедова племянника и моего дяди, тоже заядлого охотника) и раз пять предупредил меня не кормить собаку с утра. Потом я попросил деда показать свою коллекцию охотничьих ножей – помнится, в своё время я приставал к нему с этим чуть ли не в каждый свой визит. Вот и сейчас с удовольствием перебрал «экспонаты», любуясь точными, безупречными формами лезвий и рукоятей. Один из ножей – знаменитый «полураскладной» НШ – «нож Шилина», который иные ножевые знатоки именуют «штабным». Удивительная, поистине уникальная среди советских ножей

конструкция – длинное обоюдоострое лезвие штыкового типа при нажатии кнопки на две трети утапливалось в ручку, а оставшийся кончик входил в деревянные, со стальным накопечником, кургузые ножны, снабжённые для удобства кожаным подвесом. Кроме собственно клинка, в рукояти содержалось всё необходимое для штабной жизни: шило, открывашка для консервных банок, ещё одно лезвие, маленькое, для заточки карандашей – и, конечно, наиважнейший аксессуар, штопор. Самый раритетный образец в дедовой коллекции – как я убивался, когда после смерти деда в возрасте восьмидесяти трёх лет его вдова (не бабушка, та ушла из жизни гораздо раньше) избавилась от всего собрания – и ножей, и охотничьих ружей. А ведь среди них был редкостный, очень дорогой «африканский» штуцер «Холланд и Холланд», вывезенный после войны из Германии, где дед занимался репарациями по части тяжёлой металлургии.

Оставив, наконец, в покое ножи, мы (в меру моих познаний) обсудили особенности охоты с ретриверами. Дед посоветовал, что порода эта неважно работает по поиску и подъёму дичи, я ответил – да, так оно и есть, зато за подранком идёт и на сотню метров, и на две, не то, что спаниели, которые ограничиваются, самое большее, тремя десятками шагов.

За разговорами прошёл остаток дня. Я отказался от идеи остаться на ночь (завтра в школу, всё, и учебники, и форма на той квартире, да и собаку – не здесь же бросать?) и, получив в нагрузку кулёк из плотной коричневой бумаги в кото-

ром ждали своего часа котлеты, отправился домой. В авоське кроме запаса провианта имел место том «Истории КПСС» 1973-го года издания – его я незаметно вытащил с книжной полки и вынес под мышкой, чтобы избежать лишних распросов. Пока я не был к ним готов.

Я шагал к дому и чувствовал себя бесчувственным чурбаном. В самом деле, вот они, дед и бабуля, на чьих похоронах я был невесть сколько лет назад – оба живые, бодрые и даже младше, хоть и ненамного меня-тогдашнего! Интересно, мелькнула несколько отстранённая мысль, с родителями будет так же? Ведь я действительно не чувствую никакого прилива щемящей тоски – всего лишь радость от встречи в любимыми родственниками, с которыми не виделся очень долго и вот, наконец, сподобился...

...а может, так оно и есть на самом деле, и не стоит усложнять?..

Как ни пытался я проявить характер, и не прикасаться к толстеному серому кирпичу – ничего из этого не вышло. И первое потрясение испытал, едва открыв книгу. Да какое!

Здесь Сталин умер не в пятьдесят третьем году, а только в ноябре пятьдесят шестого – и за эти три с половиной года много чего успело произойти. Для начала, ещё в пятьдесят третьем он снимает с поста секретаря ЦК Хрущёва и отправляет его поднимать хлопковую отрасль в Узбекистан – «и больше о нём в этой саге не будет сказано ни одного слова». Нет, серьёзно: я пролистал несколько следую-

щих глав и не нашёл ни единого упоминания о несостоявшемся «кукурузнике» и его дальнейшей судьбе – хотя обвинения в чём-то эдаком, следствия и расстрела Никита Сергеевич счастливо избежал. Второй член триумvirата, Берия, который не раз продемонстрировавший таланты управляться с самыми безнадежными и практически неосуществимыми заданиями, был брошен вождем и учителем на то, что в наше время назвали бы «нацпроектами». На этот раз ему поручили в кратчайшие сроки довести до ума Трансполярную магистраль и закончить строительство Сахалинского тоннеля – что он и сделал, доложив об окончании работ на 20-м Съезде КПСС, где в качестве генсека председательствовал, на секундочку, сам Сталин. Но вот какая незадача: всего через месяц после этого Лаврентий Палыч погибает в авиакатастрофе, возвращаясь с инспектирования финального участка Трансполярной магистрали «Ермаково – Енисейская – Игарка» – самолёт попал в пургу и разбился при посадке. Первый товарный поезд от Архангельска до Норильска отправился через месяц после этого прискорбного события, ещё через две недели по его следам отправился и пассажирский состав – с этого момента сообщение по новой магистрали стало регулярным, и остаётся таковым и по сию пору.

Что до Сталина, то он прямо на съезде слагает с себя полномочия ПредСовмина, добивается назначения на эту должность Маленкова, а сам – взрывает бомбу, мало уступающую известному докладу Хрущёва, сделанного на том же съезде,

перед той же аудиторией но в иной реальности. Иосиф Виссарионыч объявил о старте коренной реформы партии – причём в выражениях, как и Никита Сергеевич, не стеснялся. *«Я предлагаю отстранить ВКП(б) – КПСС, этого гиганта с гниющей головой, от практического руководства государством, – говорил он с трибуны, и слова падали на сердца слушателей расплавленным свинцом. – Этого требует не только спасение государства, но и спасение самой партии коммунистов-ленинцев, путь, на котором она, переродившись, станет интеллектуальной, элитарной силой нашей страны, передав практические вопросы управления народным хозяйством Совету Министров – что, товарищи, уже давно следовало сделать...»*

Тут я захлопнул книгу и долго сидел, стараясь избавиться от ощущения нереальности, выдуманности происходящего. Напоследок мелькнула и пропала мысль: а может, в этом мире уже успели побывать попаданцы, и приложили руку к преобразованиям – а я сейчас лишь наблюдаю плоды из усилий?

Подчиняясь внезапному импульсу, я кинулся в прихожую и после нескольких минут лихорадочных поисков держал в руках журнал «Огонёк» с нужной мне фотографией – большой, на половину разворота и в цвете.

Трибуна Мавзолея с огромными буквами «Ленин-Сталин». Снимок датирован январём этого года. Вот, значит, как...

Всё. Больше не могу – и не буду, если не собираюсь проси-

деть за историческими изысканиями всю ночь и наутро обнаружить себя с дикой головной болью и депрессией от общего непонимания окружающей действительности. Завтра, всё завтра... или послезавтра, или вообще через неделю, когда шквал обрушившийся на меня, как-то уляжется, устаканится, вернув мне способность мыслить рационально. А вот что точно надо сделать завтра, не откладывая ни на один день – так это решить вопрос с Кулябьевым и его присными, причём решить так, чтобы на будущее исключить самую возможность рецидива. Просто чтобы больше не отвлекаться на всякую ерунду. Внимание и сосредоточенность мне ещё ох, как понадобятся.

VII

«Вот с чего я вчера раздухарился?» – гадал я наутро по дороге в школу. – Ну ладно, мир вокруг полон неожиданностей и непонятностей и не во всём совпадает с тем, откуда я прибыл. Но – что это меняет? Лично для меня, здесь и сейчас? Школьная программа изменилась? Вообще-то, могла и измениться – только вот из наскоро просмотренных к сегодняшним урокам страничек учебников это не следует. Люди на улицах другие? Вроде, те же самые, и даже одеты так же. Может, апрельское небо не такое – голубое, несмотря на то, что где-то в нём кружит на своей орбите отсутствовавший в нашей реальности «Скайлэб-2»? Тоже нет, во всяком случае, простым глазом это никак не заметно...

Да, интересно, а как же! Как бы я хотел получить в руки книжку, в которой подробно, шаг за шагом, будут расписаны все изменения, произошедшие в здешней истории начиная с пятидесяти третьего года! Чтобы прочесть, обдумать и всё понять – и уже исходя из этого строить планы, как это и приличествует всякому попаданцу. Так ведь опять нет! Вот скажите: мог бы простой восьмиклассник в нашем семьдесят пятом году заполучить в руки такую книжку? Да что там, восьмиклассник – студент, инженер, даже преподаватель ВУЗа? Очень, очень сомнительно – в лучшем случае, он мог надёргать куски сведений (которые ещё проверять и проверять)

а потом долго и упорно склеивать их вместе, пользуясь для этого самым надёжным цементирующим средством – слухами, приватными беседами на кухне и прочими источниками, которые принято называть «неофициальными». А есть ли у меня сейчас доступ к таким? Нет, и не предвидится, поскольку вопросы текущей внутренней политики, и её скрытые механизмы пребывают далеко вне сферы интересов нормального московского школьника – как пребывали они вне сферы моих собственных интересов в мои четырнадцать лет. И это нормально, иначе и быть не может, не тем заняты мысли среднестатистического подростка среднестатистической московской семьи...

Это, впрочем, не значит, что я не смогу в итоге составить цельную картину нового мира. Смогу, во всяком случае, постараюсь – но не за день-два, даже не за неделю. И уж точно, не пролистав первые попавшиеся мне под руку газеты и книги – пусть это даже том «Истории КПСС». Информацию надо накапливать постепенно, обдумывать, раскладывать по полочкам, неспешно разбираться, целенаправленно выискивая недостающие фрагменты мозаики – и вот тогда, тогда... Да и то сказать: куда торопиться, крыша, что ли, горит? Лучше положиться на естественный ход событий – не забывая, разумеется, держать уши и глаза открытыми. А заодно, тщательно выбирать слова, когда дело дойдёт до расспросов или бесед на кухне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.